

Создатель звезд

Автор:

Олаф Стэплдон

Создатель звезд

Олаф Стэплдон

Что такое человек? Что есть разум и его цель? Что есть дух? В чем смысл существования и имеет ли оно смысл? Что за сила создала наш мир, иные миры, галактики, космос? Сила Добра или сила Зла? Что было вначале и что ждет нас впереди?

Свою версию ответов на эти и другие извечные вопросы известный философ Олаф Стэплдон облек в оригинальную форму философско – фантастического повествования. Он приглашает нас на свидание с СОЗДАТЕЛЕМ ЗВЕЗД.

Олаф Стэплдон

Создатель звезд

Предисловие

Сейчас, когда Европе угрожает катастрофа, куда более ужасная, чем события 1914-го года, книга, подобная этой, может оказаться порицаемой, как отвлечение от животрепещущей темы борьбы цивилизации с современным варварством.

Год за годом, месяц за месяцем положение нашей разрозненной цивилизации становится все хуже и хуже. Фашизм становится все более безжалостным в своих завоеваниях, все более жестоким к собственным гражданам, более варварским в своей борьбе за идею. Даже в нашей стране, в Англии, есть основания опасаться тенденции к милитаризации и ограничениям гражданских свобод. Более того, проходят десятилетия, но так и не было предпринято ни одной решительной попытки сгладить несправедливости нашего социального порядка. Наша устаревшая экономическая система губит надежды миллионов граждан.

В таких условиях писателям трудно сочетать следование своему призванию со смелостью и взвешенным суждением. Некоторые просто пожимают плечами и остаются в стороне от главной битвы нашего времени. Они, отгородившись от самых жизненных интересов мира, неизбежно производят на свет работы, которые не только не имеют глубокого значения для современников, но и коварно неискренны. Ведь таким писателям приходится, сознательно или бессознательно, представлять, убеждать самих себя в том, что никакого кризиса в делах человеческих не существует, либо что он менее значителен, чем их работа, либо что это так или иначе их не касается. Однако кризис существует, очень важен и касается нас всех. Как может кто-либо, обладая интеллектом и будучи хоть отчасти в курсе событий, утверждать обратное, не кривя душой?

И все же я испытываю живую симпатию к некоторым из этих «интеллектуалов», которые заявляют, что не могут внести сколь-нибудь полезный вклад в эту битву и потому им лучше в нее не вмешиваться. Я, фактически, один из них. В нашу защиту я должен сказать, что, хотя мы пассивны и неэффективны в качестве непосредственно участвующих в решении проблемы, но не игнорируем ее. На самом деле она постоянно, как наваждение, занимает наше внимание. Но, методом проб и ошибок, мы пришли к выводу, что наибольшую пользу из всех доступных нам способов можем принести именно косвенно. Для некоторых писателей дело обстоит иначе. Смело врываясь в гущу битвы, они используют свои способности, чтобы пропагандировать насущные идеи, или даже сами берутся за оружие. Если они обладают соответствующими способностями и если конкретное сражение, в котором они участвуют, является частью великой попытки защиты (или создания) цивилизации, они могут, конечно, выполнить ценную работу. К тому же, они могут получить богатый опыт и заработать симпатии людей. Однако за неотложностью своего служения могут забыть о необходимости утверждать и расширять то, что можно метафорично назвать «самокритическое сознание рода человеческого», или попытку увидеть человеческую жизнь в целом по отношению к остальному миру. Это требует

желания рассматривать все людские дела, идеалы, теории с как можно меньшей человеческой предвзятостью. Те, кто борются в гуще битвы, неизбежно склонны к тому, чтобы стать, хотя и в великом и справедливом смысле, партизанами. Они благородно отказываются от этой обособленности, этой силы холодного суждения, которая, в конце концов, входит в число наиболее ценных способностей человека. В их случае, пожалуй, так и должно быть: отчаянный бой требует больше всецелой самоотдачи, чем обособленности. Но те немногие, кто переживает сердцем, должны служить, стараясь развить вместе с человеческой преданностью более беспристрастный дух. И, возможно, попытка увидеть наш беспокойный мир на фоне звезд может придать еще больше значения современному кризису человечества. Она может также усилить наше милосердие друг к другу.

Будучи убежден в этом, я попытался создать в воображении набросок ужасной, но жизненной совокупности всего. Я отлично знаю, что это до смешного неадекватный и в каком-то смысле детский набросок, даже если смотреть на него с точки зрения современного человеческого опыта. А в более спокойные и мудрые времена он наверняка покажется бредом сумасшедшего. Однако, несмотря на его незрелость и отдаленность от современных событий, он, пожалуй, все-таки не совсем неуместен.

Рискуя обратить на себя гнев обеих сторон – и «левых», и «правых», – я время от времени использовал определенные идеи и слова, заимствованные из религии, и пытался интерпретировать их в соответствии с современными потребностями. Ценные, хотя и сильно испорченные слова «духовный» и «поклоняться», которые стали почти непристойными для «левых» и относящимися только к половому размножению – для «правых», здесь несут смысл, который «правые» склонны исказить, а «левые» – не принимать во внимание. Этот смысл, должен заметить, уводит в сторону от всего личного, социального, расового; не в том смысле, что ведет человека к тому, чтобы отвергнуть все это, а в том, что заставляет его оценить все по-новому. «Духовная жизнь», кажется, представляет собой попытку открыть и принять позицию, которая, на самом деле, соответствует нашему опыту в целом, как восхищение кажется подходящим отношением к хорошо воспитанному человеческому существу. Этот путь может привести к большей ясности и лучшему состоянию сознания, и потому может серьезно и благотворно повлиять на поведение. Действительно, если этот чрезвычайно очеловечивающий опыт создаст, помимо смирения перед судьбой, решительное желание служить нашему пробуждающемуся человечеству, это будет просто пустозвонством.

Прежде чем поставить точку в этом предисловии, я бы хотел выразить благодарность профессору Л.С. Мартину, мистериу Л.Х. Майерсу и мистериу Е.В. Рью за весьма полезную и доброжелательную критику, под влиянием которой я переписал многие главы. Даже сейчас я не решаюсь напрямую связывать их имена со столь экстравагантной работой. Если оценивать ее по стандартам художественной литературы, она необычайно плоха. Фактически, это вовсе даже не роман.

Некоторые идеи об искусственных планетах были предложены мистериом Дж.Д. Берналом в его увлекательной книге «Мир, плоть и дьявол». Надеюсь, он не будет против того, как я ими воспользовался.

Мою жену я должен поблагодарить как за корректорскую работу, так и за то, что она была собой.

В конце книги я включил «Замечание о величинах», которая может оказаться полезной читателям, не знакомым с астрономией. Некоторым покажутся интересными наброски временных шкал.

Март 1937

О. С.

I. Земля

1. Начало

Однажды ночью, в расстройстве чувств, я забрался на вершину холма. Темный вереск цеплялся за ноги. Внизу колоннами выстраивались пригородные уличные фонари. Окна с опущенными занавесками, словно глаза с опущенными веками, смотрели свои сны – происходящую за занавесками жизнь. Из-за плоской темноты моря пульсировал маяк. Над головой – мрак.

Я углядел наш дом, наш островок среди буйного и горького потока бытия. Там в течение пятнадцати лет мы двое, такие разные, росли и выросли друг для друга, для взаимной поддержки и пропитания, в сложном симбиозе. Там мы каждый день планировали наши немногие начинания и делились событиями дня. Там накапливались письма, ждущие ответа, носки, ждущие штопки. Там рождались дети, эти новые вспышки жизни. Там, под той крышей, наши собственные две жизни, подчас несогласованные друг с другом, несмотря ни на что были едины – большей, более сознательной жизнью, чем по отдельности.

Все это, конечно, было хорошо. Однако была горечь. И горечь приходила к нам не только из внешнего мира; она появлялась и внутри нашего собственного магического круга. Ибо страх перед нашей тщетностью, перед нереальностью нас самих, а не только перед бредовостью мироздания, привел меня на этот холм.

Мы все время спешили от одного маленького срочного дела к другому, но результат получался незначительным. Быть может, мы зря растратили все наше существование? Быть может, жили по неправильным понятиям? И, в частности, этот наш союз, эта, кажется, такая прочная опора для деятельности в этом мире, не был ли он на самом деле не более чем небольшим вихрем благодушного и давно привычного домашнего очага, бесполезно кружащимся на поверхности великого потока, не имея в самом себе ни глубины бытия, ни значения? Неужели мы все это время обманывали сами себя? Неужели за этими закрытыми окнами мы действительно, как и многие другие, всего лишь проживаем сон? В больном мире даже здоровые больны. И мы двое, почти наизусть рассказывавшие друг другу нашу маленькую жизнь, не всегда с ясным пониманием, не всегда с твердым намерением, были порождениями больного мира.

Однако эта наша жизнь далеко не вся была призрачной и бесплодной выдумкой. Разве не была она сплетена из нитей действительности, которые мы собирали всеми приходами и уходами через нашу дверь, из нашего пригорода, города, других, далеких городов, со всех концов света? И разве мы не сплетали воедино подлинное проявление нашей собственной природы? Разве не была наша жизнь одной из нитей, вплетенных в невероятно сложную и непрерывно разрастающуюся паутину человечества?

Я размышлял о «нас» с тихим интересом и чем-то вроде легкого ужаса. Как мог я описать наши отношения даже самому себе, не унижая их, не оскорбляя безвкусными декорациями сентиментальности? Ведь этот наш хрупкий баланс

зависимости и независимости, этот холодно критический, тонко подтрунивающий, но пронизанный любовью взаимный контакт был действительно микрокосмосом подлинной общности, был, в конце концов, в своей простоте настоящим и живым примером той великой цели, к которой стремится мир.

Весь мир? Вся вселенная? Над головой из мрака выступила звезда. Один робкий лучик света, выпущенный неизвестно сколько тысяч лет назад, сейчас искоркой ужалил мои нервы, а сердце – страхом. Ибо какое значение может иметь наше случайное, наше хрупкое, наше мимолетное сообщество в этой бесконечности?

И в этот момент меня произвольно охватило странное благоговение – не перед этой звездой, конечно, не перед этим горнилом, ложно освященным всего лишь своей чудовищной удаленностью, а перед чем-то другим, сообщенным сердцу ужасающей разницей между этой звездой и нами. Но что же, что это может быть? Разум, пытаясь заглянуть за звезду, не обнаружил там Создателя звезд, а только тьму; ни Любви, ни даже Власти – только Ничто. И все же сердце мое пело.

Я нетерпеливо стряхнул это наваждение и вернулся от непостижимого к знакомому и конкретному. Отбросив благоговение, а вместе с ним и страх и горечь, я решил более беспристрастно исследовать это замечательное «мы», эту удивительную данность, которая для нас была основой вселенной, хоть и казалась такой мелочью в сравнении со звездами.

Даже не имея в виду бесконечность расстояний вокруг нас, мы все же были слишком незначительными, пожалуй даже смешными. Мы были совершенно обыденным явлением, таким банальным, таким заурядным. Мы были обычной женатой парой, живущей вместе без лишних усилий. Брак в наше время дело вообще сомнительное. А наш, с его тривиальным романтическим происхождением, – вдвойне.

Мы познакомились, когда она была еще ребенком. Наши глаза встретились. Какое-то мгновение она смотрела на меня с тихим вниманием; даже, как я тогда романтично вообразил, со смутным, глубоко спрятанным одобрением. Я, по крайней мере, узнал в том взгляде (так я убедил себя в своей юношеской

лихорадке) свою судьбу. Да! Каким predetermined судьбой казался наш союз! И при этом сейчас, глядя назад, каким случайным он теперь кажется! Конечно, как давно женатая пара мы превосходно подходили друг другу, подобно двум близко растущим деревьям, чьи стволы выросли вместе единой колонной, взаимно искажая, но и при этом взаимно поддерживая друг друга. Сейчас я холодно определил ее как всего лишь полезный, но нередко раздражающий придаток к моей личной жизни. В целом, мы были заботливыми партнерами. Мы оставляли друг другу определенную свободу, благодаря чему могли выносить нашу близость.

Таковы были наши отношения. В таком виде атом из нас двоих не казался очень уж значительным для понимания вселенной. Однако в глубине души я знал, что это так. Даже холодные звезды, даже весь космос со всеми его беспредельными пространствами не мог убедить меня в том, что этот наш ценный атом общества, несовершенный, как он есть, краткосрочный, каким должен быть, не был значительным.

Но мог ли этот наш трудноописуемый союз действительно иметь какое-то значение превыше самого себя? Доказывал ли он, например, что человеческой природе свойственно любить, а не ненавидеть и бояться? Был ли он доказательством того, что все мужчины и женщины по всему миру, хоть обстоятельства и могут им помешать, способны создать общество, основанное на любви? И, далее, доказывал ли он, будучи сам порождением космоса, что любовь в некотором смысле является основой самого космоса? И обеспечивал ли он через свое собственное внутреннее совершенство какую-либо гарантию того, что мы двое, его хрупкие опоры, будем в каком-то смысле жить вечно? Доказывал ли он, что любовь – это Бог, и что Бог ждет нас в своем раю?

Нет! Наш уютный, дружественный, доставляющий радость, не нуждающийся в приукрашении и высоко ценящийся союз духа не оказался ничем из этого. Он не был никакой гарантией ничего, кроме своей собственной несовершенной правоты. Он был всего лишь очень недолгим, очень ярким воплощением одной из многих возможностей существования. Я помнил про стаи недоступных взгляду звезд. Я помнил смятение ненависти, страха и горечи, из которых состоит мир людей. Я также помнил и наши собственные, не очень редкие разногласия. И я напомнил самому себе, что мы должны очень скоро исчезнуть, подобно ряби от ветра на водной глади.

И снова я ощутил странную гармонию между нами и звездами. Неисчислимое могущество космоса чудесным образом усилило правоту краткой искры нашего союза и краткого, робкого предприятия человечества. И они, в свою очередь, ускорили космос.

Я сел на вереск. Мрак над головой отступал. Освобожденное небесное население выходило из своих укрытий, звезда за звездой.

Вокруг меня за пределы видимости простирались тенистые холмы или лишь угадываемое, бесформенное море. Однако соколиный полет воображения следовал за ними даже после того, как они скрывались за горизонтом. Я почувствовал, что нахожусь на маленьком круглом шарике из камня и металла, окутанном пленкой воды и воздухом, кружащемся в солнечном свете среди тьмы. А на поверхности этого шарика все его население жило многие поколения в поте лица и слепоте, лишь иногда веселясь и обзаводясь ясностью духа. И вся его история, с ее миграциями, империями, философиями, гордыми науками, социальными революциями, растущим стремлением к единению была не более чем искоркой в жизни звезд.

Знать бы только, есть ли среди этой мерцающей бесконечности где-либо другие шарики из камня и металла, является ли робкий человеческий поиск мудрости и любви одиноким и незначительным всплеском или же частью вселенского движения!

2. Земля среди звезд

Мрак над головой рассеялся окончательно. От горизонта до горизонта небо представляло собой непрерывную звездную россыпь. Две планеты смотрели, не мигая. Самые яркие из созвездий заметно проявляли свою индивидуальность. Четырехугольные плечи Ориона и его ноги, его пояс и меч, Большая Медведица, зигзаг Кассиопеи, неразлучные Плеяды – все они были отчетливо видны на темном небе. Млечный Путь – расплывчатых очертаний обруч света, опоясывал небо.

Воображение дорисовало то, чего не могло различить зрение. Мне казалось, что когда я смотрю вниз, то вижу сквозь прозрачную планету, сквозь вереск и сплошной камень, сквозь погребенные захоронения исчезнувших видов, сквозь потоки расплавленного базальта и дальше, в земное железное ядро; потом еще дальше, все еще как будто бы вниз, сквозь пласты, океаны и земли южного полушария, мимо корней эвкалиптов и на ноги перевернутых антиподов, сквозь их голубой, пронизанный солнечными лучами дневной купол, и дальше в вечную ночь, где солнце и звезды вместе. Ибо там, головокружительно глубоко подо мной, подобно рыбам в глубине озера, лежали другие такие же созвездия. Два небесных купола были сплавлены в единую полую сферу, населенную звездами, черную, даже несмотря на ослепительное солнце. Молодая луна была как дуга сияющей проволоки. Вселенную опоясывал замкнутый обруч Млечного Пути.

Ощувив странное головокружение, я посмотрел в поисках опоры на маленькие светящиеся окна нашего дома. Они были на месте; как и весь пригород и холмы. Но сквозь все это сияли звезды, будто все земное было сделано из стекла или какой-то более прозрачной, более эфирной стекловидной материи. Церковные часы едва слышно начали бить полночь. Первый удар прозвенел слабо, будто бы удаляясь.

Воображение перешло на новый, странный уровень ощущений. Переводя взор от звезды к звезде, я больше не видел небо как сверкающие алмазами потолок и пол, а видел его как бездну позади сверкающего бесчисленного множества солнц. И хотя по большей части хорошо заметные и знакомые небесные светила выступали как наши ближайшие соседи, некоторые яркие звезды были, очевидно, на самом деле далекими и мощными, тогда как другие тусклые лампочки были видны исключительно потому, что они очень близко. Со всех сторон пространство было переполнено целыми роями и потоками звезд. Но теперь даже они казались близкими, потому что Млечный Путь отступил на несравнимо большее расстояние. И сквозь бреши в его ближайших частях были видны анфилады светящихся туманностей и глубокие дали звездных народов.

Вселенная, в которую меня поместила судьба, была вовсе не усеянной блестками камерой, а лишь смутно угадываемым вихрем звездных потоков. Нет, больше! Вглядываясь между звезд во внешнюю тьму, я видел слабые блики и крапинки света – другие такие же завихрения, такие же галактики, редко разбросанные по пустоте, бездна за бездной, так далеко друг от друга, что даже полет воображения не мог найти пределов космической, всеобъемлющей галактики галактик. Эта вселенная представлялась мне как пустота, в которой, подобно

редким снежинкам, плавали другие вселенные.

Когда я вглядывался в бесконечную даль этой вселенной, мне казалось, я видел ее своим гипертелескопическим воображением как множество солнц; и возле одного из них обращалась планета, а на темной стороне той планеты был холм, на котором сидел я. Некоторые астрономы уверяют, что в этой беспредельности, которую мы зовем космосом, прямые лучи света уходят не в бесконечность, а возвращаются в итоге к своему источнику. Но при этом я вспомнил, что если бы мои видения зависели от физического света, а не от света воображения, то лучи, облетевшие «вокруг» космоса, показали бы не меня, а события, случившиеся задолго до того, как образовалась Земля или даже Солнце.

Но вот, отвлекшись от этих бесконечностей, я вновь обратил взор к занавешенным окнам нашего дома, который, хоть и пронизан светом звезд, для меня все равно был более реальным, чем все галактики вселенной. Но наш дом исчез, вместе со всем пригородом, холмами и морем. Сама земля, на которой я сидел, исчезла. Вместо этого подо мной простирался иллюзорный мрак. И я сам, казалось, был лишен своего тела: не мог ни видеть, ни дотронуться до собственной плоти. А когда хотел пошевелить конечностями, ничего не происходило. У меня их не было. Привычные внутренние ощущения моего тела и головная боль, давившая на виски с самого утра, уступила место смутно ощутимой легкости и веселости.

Осознав эти изменения, произошедшие со мной, я подумал, а не умер ли я? Может, я как раз перехожу в некую совершенно непредвиденную новую действительность? Такая банальная возможность сначала возбудила меня. Потом, с неожиданным ужасом, я понял, что если действительно умер, то больше не смогу вернуться в свой драгоценный, цементирующий атом общества. Сила этого разочарования шокировала меня. Но вскоре я успокоил себя мыслью, что на самом деле не умер, а просто вошел в какой-то транс, из которого могу выйти в любую минуту. И потому решил не беспокоиться по поводу этой загадочной перемены. Я решил с научным любопытством понаблюдать за всем происходящим со мной.

Я заметил, что мрак, заменивший землю, сжимался и конденсировался. Нижние звезды уже не были видны сквозь него. Скоро почва подо мной стала похожа на

огромную круглую крышку стола, широкий диск темноты, окруженный звездами. Очевидно, меня уносило от моей родной планеты с невероятной скоростью. Солнце, ранее видимое в нижней небесной полусфере, снова оказалось физически закрыто Землей. Несмотря на то, что сейчас я уже, вероятно, находился в сотнях миль от поверхности, меня совсем не беспокоило отсутствие кислорода и атмосферного давления. Я испытывал лишь возрастающее возбуждение и приятную легкость мыслей. Меня восторгала необычная яркость звезд. То ли благодаря отсутствию рассеивающего эффекта воздуха, то ли благодаря моим собственным усилившимся чувствам, то ли благодаря и тому, и другому, небо приняло непривычный вид. Все звезды, казалось, разгорелись до невероятных величин. Небеса сияли. Главные звезды были похожи на светящиеся фары далеких машин. Млечный Путь, не размываемый более темными пятнами, превратился в охватывающую небо по кругу зернистую реку света.

Вдоль восточного края планеты, теперь далеко подо мной, появилась слабая полоска света; которая с моим движением постепенно расширялась и окрашивалась в оранжевый и красный. Очевидно, я двигался не только вверх, но и на восток, и перемещался в день. Скоро в поле зрения выплыло солнце, пожирая своим свечением огромный серп рассвета. Но я не останавливался, и солнце отделилось от планеты, а рассветная полоска расширилась до расплывчатой полосы солнечного света. Оно все разрасталось, подобно быстро прибывающей луне, пока половина планеты не оказалась освещена. Между зонами ночи и дня протянулся пояс тени теплых тонов, широкий как субконтинент. Я продолжал подниматься и лететь на восток, и видел, как материки ушли на запад вместе с днем, пока не оказался над Тихим океаном и полуднем.

Земля теперь была похожа на огромный яркий шар, в сотни раз больше полной луны. В самом центре его ослепительным пятном сверкало отражение солнца в океане. По краю планеты светилась расплывчатая корона, постепенно переходящая в окружающую черноту космоса. Немалая часть северного полушария, чуть больше обращенная ко мне, была покрыта снегом и облаками. Я смог разглядеть очертания Японии и Китая, чьи слабые коричневые и зеленые тона выделялись на фоне синевато-серого океана. Ближе к экватору, где воздух чище, океан был темным. Небольшой водоворот ярких облаков был, наверное, видимым сверху ураганом. Филиппины и Новая Гвинея были четко вычерчены. Австралия засвечена южным краем короны.

Зрелище передо мной странным образом изменялось. Беспокойство сменилось изумлением и восхищением, ибо абсолютная красота нашей планеты удивила меня. Она была похожа на большую жемчужину, окаймленную черным деревом. Она была перламутром, она была опалом. Нет, она была прекраснее любого драгоценного камня. Ее узор был более искусным, более эфирным. Она отражала деликатность и яркость, сложность и гармонию живого существа. Странно, но, оказавшись в отдалении, я, как никогда раньше, чувствовал жизненное присутствие Земли как живого, но пребывающего в трансе и смутно пытающегося проснуться создания.

Я заметил, что ни одна из видимых черт этого божественного живого самоцвета не отражает присутствия человека. Прямо передо мной, хотя и невидимые, были представлены самые переполненные центры человеческого населения. Там, подо мной, раскинулись огромные промышленные районы, зачерняющие воздух своим дымом. Однако вся эта бушующая жизнь и важное для людей производство не оставляли никакого следа на лице планеты. С этой высокой точки зрения Земля не изменилась от самой зари человечества. Ни один путешествующий ангел или исследователь с другой планеты не смог бы догадаться, что этот нежный шар кишит порочными, стремящимися к мировой власти, истязаемыми друг друга, хотя изначально невинными зверьми.

II. Межзвездное путешествие

Разглядывая родную планету, я продолжал при этом лететь сквозь пространство. Земля на глазах уменьшалась вдаль, и, поскольку я двигался на восток, она, казалось, вращалась подо мной. Ее очертания поворачивались на запад, и теперь на восточном крае появился закат и средняя Атлантика, а затем и ночь. За несколько минут, как мне показалось, планета превратилась в огромный полумесяц. Скоро от нее осталась лишь туманная уменьшающаяся дуга рядом с четкой и меньшей по размерам дугой ее спутника.

С изумлением я осознал, что, должно быть, двигаюсь с совершенно потрясающей скоростью. Я летел так быстро, что, казалось, находился под постоянным градом метеоров. Они были невидимы, пока не оказывались почти рядом со мной; они светили только отраженным светом, появляясь лишь на мгновение в виде полосок света, подобно фонарям за окном экспресса. Со многими из них я и в

самом деле сталкивался, но они не причиняли мне никакого вреда. Один огромный неправильной формы кусок скалы размером с дом основательно напугал меня. Перед моим взором пронеслась освещенная масса, показав на долю секунды грубую и неровную поверхность, и поглотила меня. Или, точнее, я решил, что она меня поглотила; но мой полет был так быстр, что, не успел я толком понять, что произошло, как этот камень уже оказался позади меня.

Очень скоро Земля превратилась в маленькую звездочку. Я говорю – скоро, но мое чувство времени теперь было несколько нарушено. Минуты и часы, пожалуй, даже дни, даже недели теперь были неразличимы.

Пытаясь собраться с мыслями, я обнаружил, что уже пролетел орбиту Марса и несусь сквозь пояс астероидов. Некоторые из этих мелких планет были уже так близко, что выглядели как большие звезды, плывущие среди созвездий. Одна или две показали мне выпуклые, потом дугообразные формы, прежде чем исчезнуть позади меня.

Вот уже далеко впереди стал виден Юпитер, все ярче и ярче, перемещающийся среди неподвижных звезд. Великое небесное тело выглядело как диск, который скоро разросся больше удаляющегося Солнца. Четыре его главных спутника казались маленькими жемчужинами, висящими рядом с ним. Поверхность планеты внешне походила на слоистый бекон, благодаря поясам облаков. Эти же облака делали размытыми ее окружность. Я поравнялся с ней и пролетел мимо. Из-за невероятной глубины атмосферы день и ночь на Юпитере смешивались без четкой границы. Я заметил в нескольких местах на востоке неосвещенного полушария нечетко очерченные зоны красного света – должно быть, это были вулканические извержения, видимые сквозь плотные облака.

Через несколько минут – или, быть может, лет – Юпитер снова превратился в звезду и потерялся в свечении уменьшившегося, но все еще яркого Солнца. Поблизости не было видно больше планет, но я скоро догадался, что нахожусь уже далеко за пределами даже орбиты Плутона. Солнце теперь было всего лишь самой яркой из звезд, постепенно тускнеющей за спиной.

Наконец у меня появилось время на отчаяние. Теперь не было видно ничего, кроме звездного неба. Большая Медведица, Кассиопея, Орион, Плеяды дразнили меня своими знакомыми очертаниями и своей отдаленностью. Солнца уже было не различить среди других ярких звезд. Ничего не менялось. Неужели я обречен вечно висеть вот так, лишенным тела зрителем в пустоте? Умер ли я? Было ли

это моим наказанием за совершенно никчемную жизнь? Было ли это наказанием высшей воли – оказаться в стороне от человеческих дел, чувств, предрассудков?

В своем воображении я вырвался назад, к моему холму в пригороде. Увидел наш дом. Дверь открылась. В сад, освещенный светом из прихожей, вышла фигура. Она постояла минуту, посмотрела вверх и вниз по дороге и вернулась в дом. Но все это было лишь в воображении. На самом деле не было ничего, кроме звезд.

Спустя некоторое время, я заметил, что Солнце и все ближайšie к нему звезды имеют красноватый оттенок, тогда как звезды на противоположном полюсе небес казались прохладно-голубыми. Меня осенило. Объяснялся этот странный феномен тем, что я все еще двигаюсь, и двигаюсь так быстро, что даже сам свет не оставался безразличен к этому. Световые волны от источников, оставшихся у меня за спиной, с трудом догоняют меня, и потому их колебания для меня медленнее, чем на самом деле, и потому я вижу их красными. А те волны, навстречу которым я лечу сломя голову, сжаты и укорочены, и потому я вижу их синими.

Очень скоро небеса приняли совершенно невероятный вид: все звезды прямо позади меня окрасились в глубоко красный цвет, а впереди – в фиолетовый. Позади меня рассыпались рубины, а впереди – аметисты. Вокруг рубиновых россыпей простиралась полоса топазов, а вокруг аметистовых – полоса сапфиров. По бокам от моего курса цвета переходили в привычный алмазно-белый. Поскольку я двигался почти в плоскости Галактики, пояс Млечного Пути, белый слева и справа от меня, был фиолетовым впереди и красным позади. Скоро звезды прямо впереди и за мной потускнели и исчезли совсем, оставив только две пустые дыры в небесах, окруженные цветными звездами. По-видимому, я все еще набирал скорость. Мое человеческое зрение больше не в силах было воспринимать свет от расположенных впереди и позади звезд.

С увеличением моей скорости эти два пустых пятна в цветном окружении продолжали расти, поглощая все больше звезд. Я заметил движение среди звезд по сторонам от меня. В результате моего полета ближайšie звезды, казалось, начали уплывать на фоне неподвижных далеких звезд. Это движение все ускорялось, пока на какое-то мгновение все видимое небо не расчертилось летящими звездами. Потом все исчезло. Вероятно, моя скорость достигла такой величины по отношению к звездам, что свет от них больше не мог восприниматься моими глазами.

Хотя я теперь двигался, наверное, быстрее света, мне казалось, что я плаваю на дне глубокого и застойного колодца. Эта бесформенная темнота, полное отсутствие каких-либо ощущений пугало меня, если можно назвать испугом то отчуждение и дурное предчувствие, которое я испытывал в отсутствие каких-либо телесных спутников испуга, в отсутствие ощущений дрожи, потоотделения, тяжелого дыхания или сердцебиения. Одинок, с жалостью к самому себе, я скучал по дому, хотел снова увидеть так хорошо знакомое лицо. В своем воображении я мог видеть, как она вышивает, сидя у камина, а между бровей – маленькая морщинка беспокойства. Быть может, мое тело лежит сейчас в вереске? Найдут ли его там утром? Как встретит она эту перемену в ее жизни? Стойко, конечно, хотя и будет страдать.

Однако хотя я отчаянно сопротивлялся разрушению нашего драгоценного атома общества, я чувствовал, что где-то в глубине души страстно желал продолжения этого удивительного путешествия. Не то чтобы моя потребность в привычном человеческом мире могла хоть на минуту оказаться побежденной элементарной тягой к приключениям. Я был слишком домашним человеком, чтобы искать на свою голову серьезных опасностей ради них самих. Но робость была преодолена ощущением возможности, предоставленной мне судьбой, исследовать не только глубины физической вселенной, но и узнать, какая роль отведена жизни и разуму среди звезд. Мною овладела живая жажда, не жажда приключений, а жажда выяснить роль человека или любых других человекоподобных существ в космосе. Это наше домашнее сокровище, этот искренний и весенний цветок у шумной дороги современной жизни только побуждал меня с радостью принять это странное приключение; ведь я мог выяснить, что вся вселенная была не только сгустком пыли и праха с разбросанной тут и там застоявшейся жизнью, но что на самом деле за иссушенной помойкой скрывался мир цветов?

Был ли человек действительно, как он иногда этого хотел, передовым бастионом растущего космического духа, по крайней мере в его временном аспекте? Или одним из миллиона таких бастионов? Или, быть может, человечество не более значит во вселенной, чем крысы в кафедральном соборе? И что есть настоящее назначение человека – власть, мудрость, любовь или служение или все сразу? Или что сама идея назначения, цели бессмысленна в отношении космоса? Я найду ответ на эти важные вопросы. И еще я должен научиться видеть чуть более ясно и смотреть чуть правильнее (так я решил для себя) в лицо того, кому мы адресуем свои молитвы.

Я уже не казался самому себе изолированным индивидуумом, жаждущим возвышения, я скорее был уже посланником человечества – нет, исследовательским органом, пробным зондом, отправленным людьми, чтобы установить контакт с их сородичами в космосе. Я должен любой ценой продолжать свое путешествие, даже если это будет означать преждевременный конец моей простой земной жизни, и моя жена и дети останутся без меня одни. Я должен идти вперед; и как-нибудь, когда-нибудь, может быть даже спустя несколько столетий межзвездных странствий, я должен вернуться.

Вспоминая это состояние восторженности сейчас, когда я уже действительно вернулся на Землю после удивительнейших приключений, я ужасаюсь контрасту между духовным сокровищем, которое я жаждал передать моей цивилизации, и незначительностью моего реального вклада. Эта неудача, наверное, вызвана тем, что хотя я и принял этот вызов, но принял его с тайными оговорками. Теперь я признаю, что страх и жажда комфорта затуманили мою волю. Моя решимость, столь ярко выраженная, оказалась на самом деле слабой. Моя робкая храбрость часто уступала место тоске по родной планете. Снова и снова во время скитаний посещало меня чувство, что из-за робости и обыденности своей природы я пропускаю самые важные аспекты событий.

Из всего того, что мне довелось пережить в своих странствиях, мне тогда была понятна только малая доля; и потому, как я расскажу позже, моим природным способностям понадобилась помощь существа сверхчеловеческого развития. Сейчас, оказавшись снова на родной планете, где эта помощь более недоступна, я не могу восстановить той пронизательности, какой мне удавалось достичь ранее. И потому мой рассказ, повествующий о самом далеком из всех человеческих странствий, оказывается не более достоин доверия, чем болтовня любого ума, потрясенного событиями, что выше его понимания.

Но вернемся к моему повествованию. Не знаю, сколько времени я провел в дебатах с самим собой, но вскоре после того, как я наконец принял решение, абсолютная тьма оказалась снова расцвечена звездами. По всей видимости, я остановился: звезды были видны во всех направлениях, и они нормального цвета.

Однако со мной произошло нечто странное. Скоро я обнаружил, что, едва пожелав приблизиться к какой-нибудь звезде, могу лететь к ней, причем со скоростью, значительно превышающей скорость света. Что, как мне отлично

известно, было физически невозможно. Ученые убеждали меня, что движение быстрее света бессмысленно. В связи с чем я решил, что мое движение было скорее мысленным, чем физическим феноменом, что мне предоставлена возможность занимать точки обзора одну за другой без каких-либо физических средств передвижения. Мне также казалось очевидным, что свет от звезд теперь не был обычным, физическим светом: я заметил, что мое новое – и весьма быстрое – движение никак не сказывалось на видимых цветах звезд. Как бы быстро я ни перемещался, они сохраняли свои алмазные оттенки, хотя казались будто бы ярче и резче, чем в обычном видении.

Едва обнаружив эту мою новую способность перемещаться, я принялся лихорадочно пользоваться ею. Я говорил себе, что отправился в астрономическое и метафизическое исследовательское путешествие; но моя тяга к Земле уже искажала свободу поиска. Она направляла мое внимание на поиски планет, особенно земного типа.

Я наугад взял курс на одну из самых ярких ближайших звезд. Я летел так быстро, что некоторые менее яркие, но более близкие светила проносились мимо, как метеоры. Я подлетел очень близко к огромному солнцу, не чувствительный к его жару. На его буйствующей поверхности я мог видеть своим чудесным зрением группу больших темных солнечных пятен, в каждое из которых могла поместиться дюжина таких планет, как Земля. Вокруг диска звезды выступали протуберанцы хромосферы, похожие на огненные деревья, на перья, на доисторических чудовищ, порхающих или ходящих на цыпочках, по сравнению с которыми все земные существа показались бы просто крошечными. А еще далее тянула свои щупальца в темноту бледная корона. Огибая звезду по гиперболе, я пристально высматривал планеты, но безуспешно. Я искал еще раз, тщательно, меняя галсы, прочесывая пространство ближе и дальше от звезды. На дальних орбитах такой маленький объект, как Земля, можно было запросто не заметить. Я не нашел ничего, кроме метеоров и нескольких незначительных комет. Это еще сильнее расстроило было меня, потому что эта звезда оказалась очень похожа на привычное Солнце. Втайне я надеялся не просто отыскать какую-нибудь планету, а конкретно Землю.

Я снова устремился в океан космоса, направляясь к другой недалекой звезде. И снова меня ждало разочарование. Я достиг еще одного светила. Оно тоже было лишено тех зерен, что уют в себе жизнь.

Теперь уже я метался от звезды к звезде, подобно брошенной собаке в поисках хозяина. Я метался из стороны в сторону, пытаюсь отыскать солнце с планетами, среди которых оказался бы мой дом. Я обыскивал звезду за звездой, но каждый раз с нетерпением отправлялся дальше, сразу определяя, что они были слишком большими, слишком слабыми или молодыми, чтобы быть земным светилом. Некоторые из них были разросшимися красными гигантами диаметром больше орбиты Юпитера; другие, поменьше, но более заметные, светили ярче тысячи солнц и были голубого цвета. Мне говорили, что наше Солнце было обычной звездой, но мне попадались значительно больше гигантских младенцев, чем вполне плотных, желтоватых, среднего возраста звезд. Похоже, я залетел в область поздней звездной конденсации.

Я заметил – но только для того, чтобы избегать их, – огромные облака пыли размером с целые созвездия, закрывающие звезды, и полосы бледно сияющего газа, светившие иногда собственным излучением, а иногда отраженным светом звезд. Зачастую эти перламутровые облачные континенты скрывали в себе несколько расплывчатых очертаний жемчужин света, эмбрионы будущих звезд.

Я не обращал особого внимания на множество звездных пар, трио и квартетов, в которых более или менее равные партнеры вальсировали в близком союзе. Однажды, и только однажды, я приблизился к одной из тех редких пар, в которых один партнер размером не превышал Землю, но массой не уступал целой большой звезде, и был очень яркий. Повсеместно в этом районе Галактики я натыкался на уныло тлеющие умирающие звезды, тут и там попадались мне их потухшие останки. Последние я не видел, пока буквально не врезался в них, и то замечал лишь благодаря смутному отраженному свечению всего неба. Я не подлетал к ним ближе, чем получалось произвольно, поскольку в бешеной погоне за Землей они не представляли для меня интереса. Более того, от них веяло холодом, предвещая вселенскую смерть. Меня успокаивала пока лишь их немногочисленность.

Я не нашел никаких планет. Я хорошо знал, что появление планет могло быть вызвано сильным сближением двух или более звезд и что такие случаи очень редки. Я напомнил себе, что звезды с планетами должны быть так же редки, как жемчужины среди песчинок на пляже. Какие были у меня шансы обнаружить хоть одну из них? Я начал падать духом. Эта ужасная пустыня из тьмы и бесплодного огня, эта необъятная пустота, так скудно испещренная вспышками, эта колоссальная тщетность всей вселенной неприятно подавляли меня. И теперь, вдобавок ко всему, мне стала изменять способность перемещения. Я мог

перемещаться меж звезд лишь с большим усилием, и то все медленнее и медленнее. Скоро я застыну в неподвижности где-то в космосе, подобно букашке в коллекции; но в одиночестве, вселенски одиноким. Да, определенно, это был мой особый Ад.

Я собрался с мыслями. Напомнил себе, что даже если это моя судьба, все это не имеет значения. Земля может превосходно обойтись и без меня. И даже если во всем космосе больше нет населенных миров, жизнь все же была на Земле, и когда-нибудь она может распространиться дальше. И несмотря даже на то, что я потерял родную планету, любимый мною мир был настоящим. Кстати, само мое приключение было чудом, и разве не мог я чудом же наткнуться на какую-нибудь другую Землю? Я вспомнил, что взял на себя высокое паломничество, что я посланник человечества к звездам.

Вместе с бодростью духа ко мне вернулась и способность перемещения. Очевидно, она зависела от бодрого настроения и целеустремленности. Мое недавнее настроение жалости к самому себе и тоски по Земле препятствовало ей.

Решив исследовать еще один район Галактики, где могло оказаться больше звезд более старшего возраста и больше надежды найти планеты, я направился к отдаленному плотному скоплению. Из-за слабого света отдельных представителей этого расплывчато-пятнистого светового шара я подумал, что он, должно быть, очень далеко от меня.

Я летел и летел сквозь темноту. Я не сворачивал с выбранного курса и потому не приближался к каким-либо звездам достаточно, чтобы увидеть их диск. Небесные светила пролетали мимо меня вдалеке, подобно огням далеких кораблей. После перелета, при котором я потерял всякое ощущение времени, я оказался посреди огромной пустыни, лишенной звезд, в галактическом прогале между двумя звездными рукавами. Меня окружал Млечный Путь, и со всех сторон светили обычные россыпи далеких звезд; но среди них не было значительных источников света, за исключением удаленного скопления, выглядящего как пух чертополоха, куда я и направлялся.

Это незнакомое небо вселило в меня чувство все усиливавшегося разъединения с моим домом. Было почти утешением видеть позади самых далеких звезд

нашей Галактики слабые пятна чужих галактик, расположенные несравнимо дальше самых далеких окраин Млечного Пути, и вспомнить, что, несмотря на мои безудержные и удивительные скитания, я все еще внутри моей родной Галактики, внутри той же маленькой клетки космоса, где она, подруга моей жизни, все еще существовала. Я, кстати, был удивлен тем, что так много иных галактик видны невооруженным глазом, и что самая большая из них была бледным облачным пятном, больше, чем луна на земном небе.

В отличие от далеких галактик, на вид которых мое стремительное перемещение не производило ни малейшего действия, скопление звезд впереди меня уже заметно для глаз увеличивалось. Вскоре после того, как я пересек ту огромную пустыню, скопление предстало передо мной как необъятное облако бриллиантов. Вот я пролетел через более плотно «населенную» область, и скопление открылось мне, заняв все небо густо расположенными огнями. Подобно тому, как корабль, приближаясь к порту, встречает другие суда, пролетал я одну звезду за другой. Проникнув в самое сердце скопления, я оказался в самом плотном районе из всех, которые мне довелось обыскивать. Со всех сторон небеса сияли солнцами, многие из которых выглядели гораздо ярче Венеры на земном небе. Я чувствовал возбуждение путешественника, который, преодолев океан, вливается в ночную гавань и оказывается окружен огнями метрополиса. Я сказал себе, что в этом густом районе наверняка образовалось множество планетных систем.

И снова я искал звезды среднего возраста, похожие на Солнце. Все, что мне попадались до сих пор, были молодые гиганты, огромные, как целая Солнечная система. После дальнейших поисков я нашел несколько похожих звезд, но ни у одной из них не оказалось планет. Я также обнаружил множество двойных и тройных звезд, выписывающих свои не поддающиеся расчетам орбиты, и огромные газовые области, в которых конденсировались новые звезды.

Наконец, наконец-то я нашел планетную систему. С почти нестерпимой надеждой я кружил среди этих миров; но все они были больше Юпитера, и все с жидкой поверхностью. И снова я помчался от звезды к звезде. Должно быть, я посетил уже тысячи из них – и все напрасно. Усталый и одинокий, я полетел прочь из этого скопления. Оно уменьшилось у меня за спиной в светящийся шар, усыпанный каплями росы. Передо мной большая темная масса закрывала кусок Млечного Пути и соседние звезды, за исключением нескольких близких ко мне звезд, находившихся между мной и этой непрозрачностью. Неровные края этого огромного облака газа или пыли были очерчены проглядывающими лучами

ярких звезд за ним. Этот вид вызвал грустные воспоминания: сколько раз я видел дома по ночам облака, точно так же посеребренные лунным светом. Однако это облако передо мной было такого размера, что могло поглотить не только целые миры, не только бесчисленные планетные системы, но и целые созвездия.

И снова отвага изменила мне. Я снова жалко попытался отгородиться от этих беспредельностей, закрыв глаза. Но у меня не было ни глаз, ни век. Я был всего лишь бесплотной блуждающей точкой зрения. Тогда я попытался воскресить в памяти скромный интерьер нашего дома, с занавешенными окнами и танцующим огнем в камине. Постарался убедить себя, что весь этот ужас темноты, расстояний и загадочного изменения света – лишь сон, что я всего лишь дремлю у огня, что в любой момент могу проснуться, что она оторвется от вышивки, коснется меня и улыбнется. Но звезды не отпускали меня из плена.

Я возобновил свои поиски, хотя и с ослабевшим рвением. И после многих дней – или лет, или веков? – удача или какой-то ангел-хранитель направил меня к некой похожей на Солнце звезде; и, приблизившись к ней и глядя по сторонам, я заметил маленькую светящуюся точку, изменявшую свое положение, когда я двигался, на фоне звездного неба. Ринувшись к ней, я заметил еще и другие такие точки. Это действительно была планетная система, очень похожая на ту, из которой я сам. Я был настолько во власти человеческих стандартов, что тут же выбрал среди них самый похожий на Землю мир. И он оказался удивительно похож на нее, когда его диск вырос передо мной, или подо мной. Атмосфера этой планеты была, очевидно, менее плотной по сравнению с земной: очертания незнакомых материков и океанов были очень четко видны. Как и на Земле, темный океан ослепительно отражал солнце. Тут и там над морями и зелено-коричневыми землями разбросаны белые облака. Но даже с этой высоты я видел, что зелень была более яркой и более голубого оттенка, чем земная растительность. Я также заметил, что на этой планете океан занимает меньшую площадь, чем земля, и что центры огромных континентов в основном покрыты ослепительными кремово-белыми пустынями.

III. Другая Земля

1. На Другой Земле

Медленно опускаясь к поверхности этой маленькой планеты, я поймал себя на том, что пытаюсь отыскать участок земли, который мог бы быть Англией. Но, едва осознав это, я напомнил себе, что условия здесь заметно отличаются от земных и что вероятность встретить разумные существа очень мала. А если они и существуют, то могут быть какими угодно. Это могут быть большие пауки или ползающие студни. Мог ли я хотя бы надеяться наладить контакт с такими монстрами?

Покружив какое-то время над слоистыми облаками, лесами и пятнистыми равнинами, прериями и слепящими просторами пустынь, я выбрал побережье в зоне умеренного климата, на ярко-зеленом полуострове. Снизившись почти к самой земле, я был поражен растительностью. Здесь, без сомнения, была растительность, в целом похожая на нашу, но отличающаяся в деталях. Толстые, очень мясистые листья напомнили мне растения наших пустынь, но здесь стебли были тонкими, как проволока. Пожалуй, больше всего меня поразил цвет этой растительности – яркий сине-зеленый, как цвет виноградников, обработанных медными солями. Позже я узнал, что растения в этом мире действительно научились защищаться с помощью сульфата меди от микробов и подобных насекомым паразитов, которые раньше были бедствием на этой довольно сухой планете.

Я скользил над яркой прерией, испещренной пятнами кустов цвета берлинской лазури. Небо тоже имело глубину голубого, не свойственную Земле, за исключением больших высот. В нем плавало несколько низких, но перистых облаков, что было обусловлено, как я понял, меньшей, чем на Земле, плотностью атмосферы. Это подтверждалось тем фактом, что, хотя я находился в зоне летнего утра, несколько звезд все же светились на почти ночном небе. Все открытые поверхности были ярко освещены. Тени от кустов казались почти черными. Несколько удаленных предметов, похожих на здания, но скорее всего просто скалы, казались состоящим исключительно из угольно-черного и белоснежно-белого. Весь пейзаж был не по-земному, фантастически красив.

Я скользил в своем бескрылом полете над поверхностью планеты, над полянами, над россыпями крошеного камня, вдоль берегов ручьев и скоро достиг широкой области, покрытой аккуратными, параллельными рядами папоротникообразных растений, под листьями которых свисали гроздь орехов. Было практически

невозможно поверить, что это поле появилось без участия разума. Неужели это просто природный феномен, не известный на моей родной планете? Удивление мое было таково, что способность двигаться, всегда зависевшая от эмоционального состояния, снова стала изменять мне. Я завилал в воздухе, как пьяный. Взяв себя в руки, я с робостью полетел над стройными посадками в сторону довольно большого предмета, располагавшегося на некотором отдалении, рядом с полоской голой земли. Я оцепенел от удивления: этот предмет оказался плугом. Это был довольно странный инструмент, но в нем точно угадывалось лезвие, ржавое и, очевидно, металлическое. У него было две металлических ручки и цепи для тяглогового животного. Трудно было поверить, что я нахожусь на расстоянии многих световых лет от Англии. Оглядевшись, я увидел несомненный след от тележки и кусок грязной ветхой материи, висевший на кусте. Однако над головой зияло неземное небо, в котором в полдень были видны звезды.

Я последовал вдоль тропинки среди невысоких зарослей странных кустов, по краям больших, толстых листьев которых свисали похожие на вишню фрукты. И вдруг за изгибом этой тропинки я натолкнулся на... человека. По крайней мере таковым он сначала показался моему изумленному и уставшему от звезд взору. Если бы я уже на этом раннем этапе понимал те силы, что контролировали мое странствие, то не был бы так сильно удивлен странной человекообразностью этого существа. Силы, которые будут описаны мною ниже, действовали так, чтобы я открывал сначала миры, наиболее похожие на мой собственный. А пока читатель может отлично представить мое удивление этой странной встрече.

Я всегда думал, что человек – уникальное создание. Его появление было вызвано невероятно сложным стечением обстоятельств, и мне и в голову не могло прийти, что такие же условия могут возникнуть где-либо еще во вселенной. Однако вот, на самой первой планете, на которую я залетел, передо мной стоял самый настоящий крестьянин. Приблизившись к нему, я увидел, что он не так похож на земного человека, как показалось издали; но все равно он был человеком. Неужели Господь населил всю вселенную такими, как мы? Может, он действительно сделал нас всех по своему образу и подобию? Это было невероятно. То, что я задавался такими вопросами, свидетельствовало об окончательной потере мною внутреннего равновесия.

Поскольку я представлял собой бесплотную точку зрения, то мог наблюдать, оставаясь сам незамеченным. Я летал вокруг него, пока он шел по тропинке. Он передвигался, держась вертикально, на двух ногах, и в целом был, определенно,

гуманоидом. У меня не имелось возможности оценить его высоту, но, похоже, он был примерно обычного земного роста, по крайней мере не ниже пигмея и не выше великана. Он был худого телосложения. Его ноги, прикрытые сверху штанами, были почти птичьими. Выше пояса он был обнажен, демонстрируя непропорционально большую грудную клетку, покрытую зеленоватыми волосами. У него было две коротких, но мощных руки и большие плечевые мышцы. Кожа темная и красноватая и обильно покрыта ярко-зеленым пухом. Все его черты были нескладными: его мышцы, сухожилия и суставы очень сильно отличались от наших. Его шея была на удивление длинной и гибкой. Для описания его головы лучше будет сказать, что большая часть черепной коробки, покрытой густыми зелеными волосами, казалось, соскользнула назад и вниз за затылок. Из-под густых бровей смотрели два очень человеческих глаза. Странно выступающие, почти как носик чайника, губы придавали ему такой вид, будто он что-то насвистывает. Между глаз, причем несколько выше них, располагалась пара больших лошадиных ноздрей.

Что ж, естественно, хотя эволюция на этой планете и пошла в целом по тому же пути, что и на породившей мой собственный вид планете, не могло не быть и некоторых отличий.

Незнакомец носил не только ботинки, но и перчатки, вроде бы из грубой кожи. Ботинки его были чрезвычайно короткими. Чуть позже я узнаю, что ступни представителей этой расы, «других людей», как я их назвал, очень походили на ступни страуса или верблюда. Опора ноги состояла из трех больших пальцев, сросшихся вместе. На месте пятки был дополнительный широкий, короткий и толстый палец. Руки лишены ладоней и заканчивались пучком из трех суставчатых и одного большого пальцев.

Цель этой книги – не рассказать о моих собственных приключениях, а дать некоторое представление о тех мирах, которые я посетил. Поэтому я не буду детально описывать, как мне удалось освоиться и закрепиться среди «других». Достаточно будет нескольких слов. Понаблюдав некоторое время за этим крестьянином, я ощутил некую подавленность из-за того, что он и не подозревал о моем присутствии. Я до боли четко понимал, что целью моего паломничества было не только научное исследование, но и необходимость установить что-то вроде мысленного и духовного контакта с другими мирами для взаимного обогащения и объединения. Как мог я этого достичь, не имея возможности общаться? Последовав за моим спутником и проведя много дней в его

маленьком круглом доме с крышей, выложенной обмазанными прутьями, я обнаружил возможность входить в его сознание, видеть его глазами, чувствовать всеми его органами чувств, воспринимать его мир так, как это делал он, и следить за многими его мыслями и его эмоциональной жизнью. Несколько позже, имея опыт пассивного «проживания» во многих представителях этой расы, я открыл способ давать о себе знать и даже внутренне беседовать с моим носителем.

Это внутреннее «телепатическое» общение, которым мне предстояло далее пользоваться во всех моих странствиях, было сначала трудным, неэффективным и болезненным. Но со временем я научился переживать ощущения моего носителя четко и аккуратно, при этом сохраняя собственную индивидуальность, мой собственный критический разум, мои желания и страхи. Только когда другой осознавал мое присутствие в нем, он мог специальным волевым усилием сохранять некоторые мысли в тайне от меня.

Нетрудно догадаться, что поначалу эти чужие умы были непонятны мне. Даже их ощущения существенно отличались от привычных. Их мысли и все их эмоции и чувства были мне чужды. Традиционные основания этих умов, их наиболее распространенные взгляды исходили из странной истории и выражались на языках, которые хитро вводили земной ум в заблуждение.

Я провел на «Другой Земле» много «других лет», скитаясь от разума к разуму, из страны в страну, но не смог достичь ясного понимания психологии «других» и значения их истории, пока не встретил одного из их философов, стареющего, но все еще активного человека, чьи эксцентричные и идущие вразрез с общими взгляды не позволили ему заслужить признание. Большинство из моих прежних носителей, когда узнавали о моем присутствии в них, считали меня либо злым духом, либо божественным посланником. А менее религиозные приходили к выводу, что я лишь болезнь, симптом их собственного психического расстройства, и незамедлительно спешили к местному клерку ментального оздоровления. Проведя, согласно местному календарю, около года в горьком одиночестве среди умов, отказывавшихся воспринимать меня как человеческое существо, мне посчастливилось попасть в поле зрения философа. К старику обратился за помощью один из моих носителей, страдавший от «голосов» и «видений из другого мира». Бвалту – таково было имя этого философа, где «л» произносилось примерно как на валлийском, – «излечил» его, просто пригласив меня к себе в голову, где он, по его словам, с радостью меня примет. Я с восторгом воспользовался наконец гостеприимством существа, которое

признало во мне человеческую личность.

2. Занятой мир

Столько всего должно быть рассказано об этом мире и его населении, что я не могу уделить много времени наиболее общим чертам этой планеты и этой расы. Цивилизация здесь достигла уровня, очень близкого к нашему. Меня то и дело подстерегали сюрпризы похужести и различия. Путешествуя по планете, я выяснил, что большая часть подходящей земли была занята полями, и что во многих странах уже довольно хорошо развита индустрия. В прериях паслись и бегали большие стада существ, похожих на наших млекопитающих. Млекопитающие побольше, или квазимлекопитающие, специально выращивались, и их пасли на лучших пастбищах – для еды и кожи. Я говорю «квазимлекопитающие», потому что, хотя эти животные и были живородящими, они не сосали молоко. Пережеванная масса, химически обработанная в материнском желудке, выплевывалась в рот детеныша в виде струи полупереваренной жидкости. Человеческие матери тоже иногда подобным образом кормят своих детей.

Самым важным средством передвижения на Другой Земле был паровоз, но поезда в этом мире были такими громоздкими, что походили на целую подвижную улицу из многих домов. Это, по-видимому, было обусловлено великой потребностью в частых, но длительных переездах через протяженные пустыни. Мне довелось путешествовать и на парокладах по менее крупным, чем на моей Земле, океанам, но в целом морской транспорт был второстепенным. Винтовые пропеллеры были здесь неизвестны, и вместо них использовались лопастные колеса. В дорожном и пустынном транспорте использовались двигатели внутреннего сгорания. Воздушный транспорт, вследствие сильно разреженной атмосферы, не был развит, но в почтовых и военных целях на большие дистанции использовалась реактивная тяга. Она в любой момент могла найти применение в авиации.

Мой первый визит в столицу одной из великих империй Другой Земли был потрясающим переживанием. Все было таким странным и одновременно таким знакомым. Здесь были улицы и многооконные магазины и офисы. В этом старом городе улицы были узкими, и уличное движение – таким плотным, что

пешеходам приходилось ходить по специальным подвесным тротуарам, натянутым на уровне второго этажа вдоль и поперек улиц.

Толпы, текущие по этим тротуарам, были не менее пестрыми, чем наши. Мужчины носили матерчатые туники и брюки, удивительно похожие на европейские, если не считать того, что складка располагалась сбоку ноги. Женщины, без грудей и с такими же высокими ноздрями, как и у мужчин, внешне отличались еще более вытянутыми в трубочку губами, что обеспечивало выполнение их природной функции – кормить младенцев. Вместо юбок они носили зеленые и блестящие трико и маленькие странного вида панталоны. Мне это с непривычки казалось безмерно вульгарным. Летом представители обоих полов часто появлялись на улицах обнаженными до пояса; но они всегда носили перчатки.

И здесь было множество людей, которые, несмотря на свои странности, были не в меньшей степени людьми, чем лондонцы. Они занимались своими делами в полной уверенности в себе, не ведая о том, что наблюдатель из иного мира находит их всех гротескными, с их отсутствующим лбом, большими приподнятыми дрожащими ноздрями, пугающе человеческими глазами и словно капризно надутыми вытянутыми губами. Вот они, живые и занятые, делающие покупки, разглядывающие, разговаривающие. Матери ведут за руку своих детей. Белобородые старики склоняются над своими клюками. Молодые мужчины поглядывают на молодых женщин. Состоятельных можно легко отличить от менее удачливых по более новым и богатым одеждам, по их уверенной и иногда высокомерной осанке.

Как мне описать на нескольких страницах всё своеобразие целого кипящего жизнью мира, так непохожего на мой собственный и при этом так родственного ему? Здесь, как и на моей родной планете, каждый час на свет появлялись младенцы. Здесь, как и там, они кричали, требуя еды, а затем и общения. Они узнавали, что такое боль, страх, одиночество, любовь. Они вырастали, сформированные грубым или добрым воздействием их сверстников, и становились либо хорошо воспитанными, щедрыми, яркими, либо умственно извращенными, несчастными, невольно мстительными. Все они жаждали благословения общества; и очень немногие, даже меньше, пожалуй, чем в моем мире, находили больше, чем лишь еле уловимый его запах. Они жили как волки и выли как волки. Истощенные – как физически, так и духовно, – они ссорились из-за пустяков и разрывали друг друга на части, сходя с ума от голода – как физического, так и духовного. Изредка кто-нибудь из них останавливался и

спрашивал: зачем все это? – и тогда следовала словесная битва, из которой не выходило ясного ответа. Старыми и немощными они становились почти неожиданно. Потом обращались в прах: их жизнь тоже была всего лишь неувлимым мгновением в космическом масштабе времени.

Эта планета, будучи во многом похожей на Землю, породила расу, во многом напоминающую людей, хотя и, так сказать, несколько иного рода. Эти континенты были столь же населены, как и наши, и эта раса была столь же разнообразна, как и *homo sapiens*. Все основные этапы нашей истории имели свои эквиваленты и в истории «других». Как и у нас, у них были периоды застоя и процветания, фазы развития и деградации, культуры, озабоченности материальными ценностями, и другие – интеллектуальные, эстетические, духовные. Здесь были «восточные» и «западные» расы. Здесь были империи, республики, диктатуры. Однако все было не так, как на Земле. Многие отличия, конечно, оказывались поверхностными; но имелись также и глубинные, глубоко скрытые отличия, которые я не скоро понял и о которых пока не буду говорить.

Я должен начать с разговора о биологических основах устройства «других». Их животная природа была во многом похожа на нашу. Они имели реакции злости, страха, ненависти, нежности, любопытства и так далее во многом так же, как мы. Их органы чувств тоже действовали подобно нашим, разве что их зрение, в отличие от нашего, было менее чувствительно к цвету, но более восприимчиво к форме. Кричащие цвета Другой Земли казались мне через их глаза очень смягченными. Со слухом у них тоже имелись проблемы. Хотя их органы слуха были так же чувствительны к слабым звукам, как и наши, они их плохо различали. Музыка в нашем понимании здесь не была развита.

Компенсировав эти недостатки, у них оказались удивительно развиты обоняние и восприятие вкуса. Эти существа ощущали вкус не только ртом, но и своими влажными черными руками и даже ногами. Благодаря этому они имели необыкновенно богатое ощущение своей планеты. Вкусы металлов и древесины, соленых и сладких почв, великого разнообразия минералов, неисчислимые робкие или яркие вкусы растений, смятых при беге босыми ногами, образовывали целый мир, неизвестный земным жителям.

Гениталии у них тоже были снабжены вкусовыми рецепторами. Существовало несколько различных мужских и женских наборов химических характеристик, каждый из которых был сильно притягателен для противоположного пола. Они

слегка ощущались через прикосновения рук или ног к любой части тела и очень ярко – при совокуплении.

Это непривычное богатство вкусового восприятия сильно мешало мне полностью проникнуть в мысли «других». Вкус играл в их воображении и представлении такую же важную роль, как зрение – у нас. Многие понятия, которые на Земле были получены благодаря зрению и даже в самых абстрактных формах носили следы визуального происхождения, «другие» заменяли вкусовыми. Например, наше слово «блестящий» в приложении к людям или идеям они перевели бы словом, чье вкусовое значение было бы «вкусный». Вместо «ясный» они бы использовали понятие, которое в первобытные времена применялось к легко узнаваемому вкусовому ощущению. Получить «религиозное озарение» означало «вкусить луга небесные». Многие из наших невидимых понятий тоже передавались с помощью вкуса. «Сложность» была «многовкушностью», словом, которое передавало смешение вкусов вокруг водопоя, посещаемого многими животными. «Несовместимость» происходила из слова, означавшего отвращение, которое определенные типы людей испытывали друг к другу в связи с их запахом.

Расовые различия, которые в нашем мире в основном выражаются во внешности, для «других» выражались почти целиком во вкусе и запахе. И поскольку расы «других» были не так четко локализованы, как у нас, вражда между расами, чьи запахи были противны друг другу, играла большую роль в истории. Каждая раса была убеждена, что именно ее запах, характерный для самых лучших умственных качеств, есть абсолютно достоверный признак духовного достоинства. В прежние века эти вкусовые и ароматические различия, бесспорно, были действительными признаками расовых различий; но с тех пор в наиболее развитых странах произошли великие перемены. Не только расы перестали быть столь разрозненными, но и индустриальная цивилизация произвела некоторые генетические перемены, которые сделали старые расовые различия бессмысленными. Однако древние запахи, хотя уже и не имели былого расового значения, и даже в одной семье могли быть противоречивые запахи, по-прежнему оказывали традиционное эмоциональное воздействие. У каждой страны был свой особый запах, считавшийся истинным гербом ее расы, и все остальные запахи презирались, если вообще не преследовались.

В той стране, которую мне довелось изучить лучше всего, ортодоксальным расовым вкусом была некая особая соленость, непонятная земному человеку. Мои носители считали себя самой солью земли. Но на самом деле тот

крестьянин, в которого я сначала вселился, был из всех прочих единственным от природы соленым человеком. Большинство граждан в той стране добивались правильного запаха искусственными средствами. Те, что были хотя бы приблизительно солеными, хотя и не идеально, постоянно высмеивали обман своих кислых, сладких или горьких соседей. К несчастью, хотя вкус конечностей можно было достаточно достоверно подделать, так и не удалось найти способ изменять вкус гениталий. Как следствие, многие молодожены нередко делали для себя самые потрясающие открытия друг о друге в первую же брачную ночь. Но поскольку в большинстве союзов ни одна из сторон не имела ортодоксального вкуса, они старательно делали вид, что у них все в порядке. Однако нередко между ними имело место тошнотворное отвращение двух несовместимых вкусовых типов. Все население было отравлено неврозами на почве этих тайных брачных трагедий. Кстати, если одна из сторон брака оказывалась более или менее ортодоксального вкуса, она возмущенно осуждала самозванца (или самозванку). И тогда суды, пресса и общество объединялись в яростном возмущении.

Некоторые «расовые» запахи были слишком навязчивыми, чтобы их можно было замаскировать. Особенно один, что-то вроде горько-сладкого, – он обрекал своего владельца на нелепые преследования во всех странах, кроме самых либеральных. Когда-то давно эта горько-сладкая раса получила репутацию хитрой и корыстной, и с тех пор испытывала гонения от ее менее разумных соседей. Но при обыденности всяческих ферментов в питании этот горько-сладкий вкус мог возникнуть в любой семье. Горе тогда этому несчастному младенцу и всем его родственникам! Преследование было неизбежно; если только семья не окажется достаточно состоятельной, чтобы купить у государства «почетное осоление» (или в соседней стране – «почетное услащение»), снимавшее пятно позора.

В более просвещенных странах все расовые предрассудки уже подвергались сомнению. Среди интеллигенции было движение за то, чтобы вменить детям в обязанность терпеть любой вид человеческого запаха и запретить дезодоранты и дегустатанты и даже ботинки и перчатки, к которым обязывали цивилизованные правила поведения.

К несчастью, это движение терпимости было затруднено одним из последствий индустриализма. В густонаселенных и нездоровых промышленных центрах появился новый запахо-вкусовой вид, очевидно как результат биологической мутации. Через пару поколений этот кислый, вязущий и нескрываемый запах

доминировал во всех рабочих кварталах, пользовавшихся самой дурной репутацией. Для утонченных вкусов состоятельных граждан этот запах был чрезвычайно тошнотворным и пугающим. На самом деле, он стал для них неосознанным символом их тайной вины, страха, ненависти, которую угнетатели чувствовали к угнетенным.

В этом мире, как и в нашем, почти все основные средства производства: почти все земли, шахты, заводы, железные дороги, корабли – находились в частном владении и приносили доход небольшому меньшинству населения. Эти привилегированные представители могли заставлять массы работать на них под страхом голодания. И уже приближался трагический фарс, свойственный таким системам. Владельцы направляли энергию работников все больше на производство средств производства, чем на удовлетворение нужд индивидуальной жизни. Потому что машиностроение могло принести доход владельцам; а хлеб – нет. С усилением конкуренции машин с машинами падали доходы, а с ними и заработные платы, а с ними и эффективный спрос на товары. Непокупаемые товары уничтожались, а желудки оставались пусты и спины голы. Безработица, беспорядки и жестокие репрессии набирали силу, в то время как рушилась экономическая система. Знакомая история!

С ухудшением ситуации, когда благотворительные движения и государственная поддержка больше не справлялись с растущей массовой безработицей и нуждой, новая раса-изгой становилась все более и более психологически на руку испуганному, но все еще сильному классу богатых. Получила распространение теория, что эти жалкие создания были результатом секретных систематических расовых загрязнений подонками-иммигрантами, и что они не заслуживали того, чтобы с ними считались. Поэтому им дозволялись только самые грязные формы работы в самых тяжелых условиях. Когда безработица стала серьезной социальной проблемой, практически вся эта раса оказалась безработной и бедствовала. Конечно, легко было убедить всех, что безработица вызвана далеко не упадком капитализма, а ущербностью породы изгоев.

Во время моего визита рабочий класс был весь пронизан породой изгоев, и среди богатых и уважаемых классов во всю шло движение за то, чтобы установить институт рабства по отношению к изгоям и полуизгоям, чтобы их можно было открыто использовать как скот, которым они и так уже являются. Опасаясь продолжения загрязнения расы, некоторые политики настаивали на полном геноциде этой породы или по меньшей мере их всеобщей стерилизации. Другие

заявляли, что, поскольку общество нуждается в дешевой рабочей силе, было бы рациональнее просто сдерживать их численность путем усиленной эксплуатации, в результате которой они бы рано умирали, в условиях, в которых никто из «чистой расы» не согласился бы работать. Это точно следует применять во времена процветания; но во времена упадка излишкам населения надо позволять умереть с голода, или его можно использовать в физиологических лабораториях.

Те, кто первыми осмелились предложить такую политику, подверглись всеобщему порицанию. Однако фактически их политика была принята; не гласно, конечно, а по всеобщему молчаливому согласию, а также по причине отсутствия другого более конструктивного плана.

Попав в первый раз в беднейшие районы города, я был удивлен тем, что, хотя там и были обширные кварталы трущоб, куда более грязных, чем где-либо в Англии, среди них все же было много чистых и аккуратных построек, достойных Вены. Они были окружены садами, усыпанными жалкими палатками и лачугами. Трава была вытоптана, кусты поломаны, цветы вырваны. Повсюду бездельничали мужчины, женщины и дети, все в грязном тряпье.

Я узнал, что эти благородные здания были построены до мирового экономического кризиса (знакомая фраза!) миллионером, который сделал себе состояние на торговле наркотиком, похожим на опиум. Он презентовал здания Городскому Совету, благодаря чему почил уже в звании пэра. Самые достойные и наименее вонючие бедняки получили хорошие квартиры; но власти позаботились о том, чтобы плата за жилье была такой, чтобы не допустить к нему породу изгоев. Потом наступил кризис. Жильцы один за другим переставали платить и оказывались на улице. В течение года здания оказались почти пусты.

Потом произошла последовательность событий, весьма характерная, как мне стало потом известно, для этого странного мира. Всеми уважаемое общественное мнение, хотя и жестокое по отношению к безработным, было горячо сострадательным по отношению к больным. Заболев, человек приобретал в глазах других некую святость и мог требовать чего угодно от здоровых. Так что, стоило одному из несчастных жителей лагеря оказаться серьезно больным, для лечения его использовались все ресурсы медицинской науки. Отчаявшиеся бедняки быстро поняли, что к чему, и делали все, что было в их силах, чтобы заболеть. И им это так хорошо удавалось, что скоро все больницы были

переполнены. Поэтому пустующие здания были быстро переоборудованы для приема все растущего потока пациентов.

Видя эти и другие события, я вспоминал собственную расу. Но, хотя «другие» и были во многом похожи на нас, я все больше подозревал, что был все-таки еще один фактор, пока скрытый от меня, обрекавший их на крушение, которого людям моего вида не следовало опасаться. Психологические механизмы, которые в нашем случае сдерживались здравым смыслом или моралью, здесь были вопиюще свободны. Однако нельзя было сказать, что «другие люди» менее разумны или менее моральны, чем люди моего вида. В абстрактном мышлении и практической изобретательности они были по меньшей мере равны нам. Многие из их последних достижений в физике и астрономии заметно опережали нашу науку. Однако я заметил, что их психология еще более хаотична, чем наша, и что общественная мысль странным образом извращена.

В радио и телевидении, например, «другие» технически ушли гораздо дальше нас, но то, как они применяли свои потрясающие изобретения, было подобно катастрофе. В цивилизованных странах все, кроме изгоев, носили карманный приемник. Это может показаться странным, ведь у них не было музыки; но, поскольку у них не было и газет, радио оказалось единственным способом, которым человек на улице мог узнать спортивные или лотерейные результаты, что составляло основу его умственной диеты. Более того, место музыки здесь занимали вкусовые и ароматические темы, которые преобразовывались в паттерны эфирных колебаний, транслируемые всеми крупными национальными станциями, и интерпретировались в начальную форму в карманных приемниках и вкусовых рецепторах населения. Эти приборы сложным образом стимулировали вкусовые и обонятельные органы руки. И такова была притягательность этого развлечения, что все мужчины и женщины почти всегда держали руку в кармане. Была даже специальная станция, передающая волны для успокоения младенцев.

На рынке появились сексуальные приемники, для которых транслировались программы во многих странах; но не во всех. Это удивительное изобретение представляло собой комбинацию радиотактильных вкусовых, ароматических и звуковых ощущений. Оно работало не через органы чувств, а непосредственно стимулируя соответствующие центры мозга. Реципиент носил специально сконструированную кепку, которая транслировала ему объятия какой-нибудь приятной и благорасположенной женщины, испытываемые на самом деле

мужчиной-«вещателем» в удаленной студии или считываемые с электромагнитной записи на стальной пленке. Поднялись споры по поводу нравственности сексуального радиовещания. В некоторых странах разрешались только программы для мужчин и запрещались для женщин, чтобы сохранить невинность более чистого пола. В других местах духовенству удалось запретить все подобное на основе того, что радиосекс, даже только для мужчин, может стать дьявольской заменой такого желанного и ревностно охраняемого религиозного акта, как непорочный союз, о котором я расскажу чуть позже. Сами же священники отлично знали, что их власть сильно зависит от их способности внушать этот яркий экстаз своим прихожанам путем ритуала и других психологических приемов.

Военные тоже были в резкой оппозиции этому новшеству: в дешевом и эффективном производстве иллюзорных сексуальных объятий они видели угрозу более страшную, чем даже в контрацепции. От этого может сильно упасть обеспечение пушечным мясом.

Поскольку во всех наиболее респектабельных странах радиовещание находилось под контролем отставных военных или духовенства, это новшество было введено сначала только в самых коммерческих и пользующихся дурной репутацией государствах. Их радиостанции транслировали объятия популярных «радиозвезд любви» и даже сгорающих от страсти аристократок вместе с рекламой патентованных лекарств, вкусонепроницаемых перчаток, результатами лотерей, вкусовых добавок и дегустатантов.

Скоро принцип радиостимуляции мозга развился еще дальше. Программы всех самых ароматных или пикантных переживаний транслировались во всех странах и ловились самыми простыми приемниками, доступными всем, кроме изгоев. Так, даже любой трудяга с завода мог испытать удовольствия банкета без каких-либо затрат и последующего переедания, удовольствие профессионального исполнения танцев без необходимости учиться этому искусству, волнение поездки на мотоцикле, не подвергаясь опасности. Сидя в оледенелом доме на севере, можно понежиться на тропических пляжах, а будучи в тропиках – насладиться зимними видами спорта.

Правительства вскоре открыли, что это новое изобретение дает им дешевый и эффективный способ власти над их гражданами. Можно закрыть глаза на грязь и мусор, если создать бесперебойный источник иллюзорной роскоши. Реформы, идущие вразрез с интересами властей, могут быть отложены как вредные для

национальной системы радиовещания. Стачки и восстания можно было бы подавлять, всего лишь пригрозив закрыть транслирующие студии или заполнить эфир в критический момент какой-нибудь сладкой новинкой.

Тот факт, что политическое левое крыло сопротивлялось дальнейшему развитию радиоразвлечений, еще больше убедил правительства и имущие классы в том, чтобы одобрять их. Коммунисты – ибо диалектика истории этой удивительно похожей на Землю планеты произвела партию, заслуживающую это название, – резко осуждали всю эту схему. По их мнению, это был чистейшей воды капиталистический наркотик, призванный предотвратить неизбежную в ином случае диктатуру пролетариата.

Усиление коммунистической оппозиции вынудило правительства достичь договоренности с их естественными врагами – духовенством и военными. Было договорено, что в будущем религиозные службы будут занимать заметную часть эфирного времени и что десятая часть всех лицензионных пошлин будет передана церквям. Однако предложение транслировать непорочные единения вызвало горячие возражения духовенства. В качестве дополнительной уступки было решено, что все женатые члены персонала Управления Трансляций должны под страхом увольнения доказать, что ни разу не изменили своим супругам. Было также достигнуто соглашение избавиться от всех сотрудников, которые подозревались в симпатии к таким антинравственным идеалам, как пацифизм и свобода самовыражения. Военных, помимо этого, ублажили введением государственного поощрения материнства, налогом на бездетность и регулярными трансляциями военной пропаганды.

В последние годы моего пребывания на Другой Земле была изобретена система, благодаря которой человек мог всю жизнь отдыхать в постели, непрерывно получая радиопрограммы. О его питании и прочих телесных функциях заботились врачи и сиделки, работающие на Управление Трансляций. Чтобы не атрофировались мышцы, ему периодически делали массаж. Подобный образ жизни поначалу был дорогой роскошью, но его создатели надеялись вскоре сделать его доступной всем. Ожидалось даже, что со временем надобность в медицинском и обслуживающем персонале вообще отпадет. Будет создана глобальная система автоматического производства пищи и распределения жидкой питательной массы посредством трубок во рты блаженствующих, а также усложненная канализационная система. Нажатия одной кнопки будет достаточно для активации электрического массажа. Медицинское наблюдение

будет заменено автоматической системой эндокринной компенсации. Она будет автоматически регулировать состояние крови пациента, восполняя в ней необходимые для правильного физиологического баланса вещества.

Для самих радиотрансляций человеческий элемент тоже станет не нужен: все возможные переживания будут уже записаны от самых изысканных живых экземпляров. Их будут непрерывно транслировать по множеству различных каналов.

Возможно, еще останется потребность в небольшом количестве технического и организационного персонала, чтобы наблюдать за системой; но при правильном распределении работы она будет занимать не больше нескольких часов в неделю для каждого сотрудника Всемирного Управления Трансляций.

Для появления новых поколений детей будут производить эктогенетическим путем. Всемирное Управление должно будет указать психологические и физиологические параметры идеального «поколения слушателей». Произведенные в соответствии с этими указаниями дети будут обучаться специальными радиопрограммами, которые подготовят их ко взрослой жизни слушателя. Они не будут покидать свои ложа, разве только для постепенного перехода в полноразмерные ложа для взрослых представителей. На исходе жизни, если, конечно, медицина не научится обманывать старость и смерть, индивидуум сможет обеспечить себе безболезненный конец, нажав соответствующую кнопку.

По поводу этого грандиозного проекта во всех цивилизованных странах разгорелся оживленный энтузиазм, однако определенные реакционные силы были категорически против. Старомодные религиозные люди и воинственные националисты в один голос заявляли, что человек должен оставаться активным, что движение – наша величайшая гордость. Религиозные настаивали на том, что только путем внутренней дисциплины, подавления плоти и постоянными молитвами можно подготовить душу к вечной жизни. Националисты каждой страны заявляли, что именно их народ обладает священным правом повелевать низшими видами и что, в любом случае, только боевая слава может обеспечить духу доступ в Валгаллу.

Многие из великих экономистов, хотя они сначала и одобряли радиосчастье в умеренных количествах как успокоительное для недовольных пролетариев, теперь восстали против него. Они жаждали власти, а для власти им необходимы

были рабы, которыми они могли бы повелевать на своих великих индустриальных предприятиях. И потому они придумали инструмент, который был одновременно и успокаивающим, и стимулирующим. Всеми методами пропаганды они старались взрастить чувства национализма и расовой вражды. Фактически, они создали «другой фашизм», вместе с типичными для него ложью, мистическим культом расы и государства, презрением к разуму, воспеванием грубой силы, взывая при этом к самым низким и самым благородным мотивам введенной в заблуждение молодежи.

В оппозиции всей этой критике радиосчастья, равно как и самому радиосчастью, в каждой стране была небольшая и отчаянная группа, которая считала, что истинное предназначение человеческой деятельности – создание всемирного общества просвещенных и интеллектуально креативных индивидуумов, объединенных взаимным пониманием, уважением и общей задачей осуществления потенциала человеческого духа на земле. Большая часть их доктрины представляла собой извлечения из учений древних религиозных проповедников, но несколько измененные под воздействием современной науки. Однако эти группы были неправильно поняты учеными, прокляты духовенством, осмеяны военными и игнорировались защитниками радиосчастья.

Теперь экономический беспорядок уже вел великие коммерческие империи Другой Земли ко все более и более отчаянной рыночной конкуренции. Эти экономические состязания накладывались на древние племенные чувства страха, ненависти и гордости, что привело к бесконечной серии войн, каждая из которых грозила всеобщим Армагеддоном.

В этой ситуации радиоэнтузиасты заявили, что если бы их политика была принята, то войны навсегда прекратились бы, и что, с другой стороны, если начнется мировая война, их политика будет отложена на неопределенное время. Они организовали всеобщее антивоенное движение; и такова была страсть к радиосчастью, что жажда мира захватила все страны. Всемирное Управление Трансляций было наконец создано – чтобы распространять радиоучение, стереть различия между империями и в конце концов получить власть над всем миром.

В то же время настоящие «религиозные» и настоящие милитаристы, справедливо возмущенные подлостью мотивов, стоявших за новым интернационализмом, но по-своему заблуждавшиеся, решили спасти «других людей» вопреки их собственной воле путем стравливания народов в войны. Все

силы пропаганды и финансовой коррупции были брошены на разжигание национализма. Несмотря даже на это, жажда радиосчастья была уже настолько всеобщей и страстной, что сторонники войны никогда не добились бы успеха, если бы не богатство главных производителей оружия и их опыт в разжигании вражды.

Удалось успешно поссорить друг с другом одну из старейших коммерческих империй и некое государство, которое только что переняло механическую цивилизацию, но уже было Великой Силой, причем Силой, которой отчаянно не хватало рынков. Радио, которое ранее было главной силой, борющейся за космополитизм, неожиданно стало в каждой стране главным стимулом к национализму. День и ночь каждый цивилизованный народ убеждался в том, что враги, чьи запахи, конечно же, были субчеловеческими и грязными, состояли в заговоре против него, планируя его уничтожение. Угрозы оружием, шпионские истории, сообщения о варварском и садистском поведении соседних народов создали такую подозрительность и ненависть в каждой стране, что война стала неизбежна. Возник спор о контроле над одной приграничной провинцией. В эти критические дни мы с Бвалту оказались в одном большом провинциальном городе. Никогда не забуду, как простой народ был охвачен почти маниакальной ненавистью. Всякая мысль о человеческом братстве и даже самосохранении сметалась дикой жаждой крови. Запаниковавшие правительства начали запускать дальнобойные ракеты в своих опасных соседей. За какие-то недели несколько столиц Другой Земли были уничтожены атаками с воздуха. Каждый народ теперь стал напрягать все силы, чтобы причинить врагам больше вреда, чем получил сам.

Нет нужды описывать в деталях все ужасы той войны: уничтожение одного города за другим, паникующие, голодные жители, ищущие убежища на открытой местности, грабеж и убийства, голод и эпидемии, крушение общественных структур, безжалостные военные диктатуры, плавные или катастрофически резкие упадки культур, – а также благородство и нежность в личных отношениях.

Вместо этого я постараюсь описать завершение этого кошмара, обуявшего «других». Мой собственный человеческий вид, оказавшись в подобном положении, конечно же, не позволил бы себе так поддаться ненависти. Без сомнения, мы сами стоим на пороге не менее разрушительной войны; но, какая бы агония нас ни ожидала, мы, конечно же, восстановимся. Как бы глупы мы ни были, нам всегда удавалось избежать падения в пропасть полного безумия. В

последний момент здравый рассудок все-таки одерживает верх. Но не у «других».

3. Перспективы расы

Чем дольше я пребывал на Другой Земле, тем сильнее подозревал, что должно было быть какое-то важное определяющее различие между этой человеческой расой и моей собственной. В некотором смысле, различие, очевидно, было в балансе природных особенностей. Homo sapiens был в целом лучше общественно интегрирован, более одарен здравым рассудком, менее склонным впасть в крайности вследствие умственного упадка.

Пожалуй, самым поразительным примером экстравагантности «других» была роль, которую играла религия в их наиболее продвинутых сообществах. Религия здесь обладала гораздо большей властью, чем на моей планете, а религиозные учения древних пророков были способны разжечь даже мое инопланетное и спокойное сердце. Однако религия, как это было видно в окружавшем меня современном обществе, была далеко не нравоучительной.

Начну с того, что на развитие религии на Другой Земле очень сильно повлияло вкусовое восприятие ее жителей. Племенные боги, конечно же, были одарены вкусовыми характеристиками, наиболее волнительными для членов конкретного племени. Позже, когда возник монотеизм, описания всемогущества Бога, его мудрости, его справедливости, его милосердия всегда сопровождалась описаниями его вкуса. В мистической литературе Бог часто сравнивался с древним и выдержанным вином; а из некоторых описаний религиозного опыта было ясно, что этот вкусовой экстаз был во многом похож на то благоговение, которое испытывают гурманы, наслаждаясь каким-нибудь редким вином.

К несчастью, из-за слишком большого разнообразия вкусовых расовых типов, общее согласие по поводу вкуса Бога очень редко достигалось. В результате часто разгорались религиозные войны, чтобы решить, был ли Господь преимущественно сладким или соленым, или же в нем преобладал один из множества оттенков вкуса, которые люди моей расы не могут даже воспринять. Некоторые учителя настаивали на том, что почувствовать его могут только ноги, другие же говорили, что только руки или рот, третьи – что познать его можно

только путем тонкого комплекса вкусовых ощущений, известного как непорочный союз, который представлял собой чувственный – и, в основном, сексуальный – экстаз, вызываемый ожиданием установления связи с богом.

Другие учителя заявляли, что хотя Господь и был, действительно, вкусным, это было не в телесном смысле, что сущность его сохраняется в чистом духе, и что ему принадлежит вкус, более тонкий и приятный, чем вкус возлюбленной, потому что он объединяет в себе все самые лучшие духовные ароматы людей и бесконечно больше.

Некоторые дошли до того, что заявили, будто о вкусе Бога надо думать вовсе не как о вкусе личности, а как о самом существовании подобного вкуса. Бвалту частенько говаривал: «Господь есть либо вселенная, либо вкус творения, пропитывающий все на свете».

Где-то десятью или пятнадцатью веками раньше религия, насколько я понял, была более духовно возвышенной: на планете не было ни церквей, ни духовенства, но религиозные идеи доминировали в жизни каждого человека до степени, казавшейся мне невероятной. Потом возникли церкви и духовенство, чтобы сыграть важную роль в сохранении того, что теперь, очевидно, было падающим религиозным сознанием. Еще позже, за несколько веков до Промышленной Революции, институт религии получил такую власть над самыми цивилизованными народами, что три четверти их общего дохода тратились на содержание религиозных учреждений. Рабочие, которые за гроши трудились на собственников, отдавали большую часть своих жалких заработков священникам и жили в еще большей нищете, чем жили бы без этого.

Наука и промышленность вызвали одну из тех резких и внезапных революций мысли, столь свойственных «другим». Почти все церкви были разрушены или преобразованы в заводы или индустриальные музеи. В моду вошел атеизм, который впоследствии преследовался. Все лучшие умы стали агностиками. Однако еще позже, видимо испугавшись последствий материалистической культуры, гораздо более циничной и вопиющей, чем наша, самые индустриализированные народы начали снова обращаться к религии. Для естественных наук предусматривалось духовное основание. Старые церкви были заново освящены, и построено так много новых религиозных зданий, что скоро их стало столько же, сколько кинотеатров – у нас. И действительно, новые церкви постепенно впитали в себя кино и стали устраивать непрерывные показы картин, в которых были мастерски смешаны страстные оргии и духовная

пропаганда.

Во время моего визита церкви уже восстановили всю свою былую власть. Радио, действительно, когда-то пыталось с ними соперничать, но они быстро поглотили и его. Они по-прежнему отказывались транслировать по радио непорочный союз, поддерживая свой престиж расхожим мнением, что непорочный союз слишком духовен, чтобы его можно было транслировать в эфире. Однако самые продвинутые священнослужители соглашались, что если когда-нибудь и будет установлена всемирная система «радиосчастья», то эту трудность можно будет преодолеть. А коммунизм в это время утверждал свои антирелигиозные взгляды; однако в двух великих коммунистических странах официально установленная «антирелигия» сама становилась религией во всем, кроме названия. У нее были свои учреждения, свои служащие, свои ритуалы, своя мораль, своя система отпущения грехов, свои метафизические доктрины, которые, хотя и были в основе своей материалистическими, оказывались не в меньшей степени предрассудками. А запах божественности был заменен запахом пролетариата.

Религия тогда была настоящей силой в жизни всех этих народов. Но было в их вере что-то странное. В каком-то смысле она была искренней, даже благотворной: ведь во всех маленьких личных искушениях и самых очевидных и стереотипных моральных выборах «другие люди» были гораздо более последовательными, чем мы. Но я обнаружил, что типичный современный «другой» был добросовестным только в светских ситуациях, а истинной моральной чувствительности ему странно не хватало. Так, хотя практическая щедрость и внешняя дружба встречались чаще, чем у нас, совершались самые дьявольские моральные преследования, причем абсолютно осознанно. Наиболее сентиментальные должны были всегда быть начеку. Глубокие взаимные чувства были случайны и редки. В этом страстно социальном мире души грызло одиночество. Люди регулярно «собирались вместе», но на самом деле у них это никогда не получалось. Каждый боялся остаться наедине с самим собой; однако в компании, вопреки всеобщему изображению дружбы, эти странные существа оставались далеки друг от друга, как звезды. Потому что каждый искал в глазах соседа отражение самого себя и не был способен заметить что-либо другое. А если все же замечал, то приходил в ярость и испуг.

Вот еще один поразительный факт, касающийся религиозной жизни «других» во времена моего визита. Хотя все были верующими, и богохульство внушало ужас, обыденное отношение к божественности характеризовалось богохульным

коммерческим подходом. Люди считали, что божественный запах можно купить навеки за деньги или через ритуал. Более того, Бог, которому они молились на прекрасном и сердечном древнем языке, считался теперь либо справедливым, но ревностным работодателем, либо снисходительным родителем, или же идеализированной физической энергией. Венцом вульгарности было убеждение, что никогда ранее религия не была столь широко распространена и столь просвещена. Почти все считали, что только сейчас люди начали понимать в мудрых учениях древних пророков именно то, что сами пророки имели в виду. Современные писатели и радиоведущие заявляли, что они переинтерпретировали священные писания так, чтобы те соответствовали просвещенным религиозным нуждам века, провозглашенного Веком Научной Религии.

За всем этим самодовольством, характерным для цивилизации «других» перед началом войны, я стал часто замечать смутное беспокойство и тревогу. Конечно, по большей части люди занимались своими делами с такими же сосредоточенностью и самодовольством, как и на моей родной планете. Они были слишком заняты, зарабатывая себе на жизнь, женясь, создавая семьи, пытались получить лучшее друг от друга, чтобы тратить время на размышления о смысле жизни. При этом они часто имели вид человека, который забыл что-то очень важное и копается в памяти, пытаюсь вспомнить, или стареющего проповедника, который использует в своей речи старинные красочные выражения, не имея представления об их точном значении. Я все больше подозревал, что эта раса, несмотря на все ее достижения, держалась на великих идеях прошлого, придерживалась концепций, которые она давно уже не могла понять, отдавала устную дань уважения идеалам, к которым больше не могла искренне стремиться, и пыталась существовать в системе понятий, многие из которых могли успешно применяться только в умах чуть лучшего свойства. Эти понятия, казалось мне, должны были быть созданы расой, одаренной не только более великим интеллектом, но и значительно большей и более всеобщей способностью жить в обществе, чем это было возможно сейчас на Другой Земле. Они, казалось, были основаны на убеждении, что все люди – добрые, разумные и внутренне дисциплинированные.

Я часто расспрашивал об этом Бвалту, но он всегда уходил от ответа. Напомню, что я имел доступ ко всем его мыслям, пока он целенаправленно не пытался их скрыть; он мог в любой момент, сделав особое усилие, думать приватно. Я давно подозревал, что он что-то скрывает от меня, но вот он наконец рассказал мне

эти странные и трагические факты.

Это было спустя несколько дней после бомбардировки столицы его страны. Через глаза и очки противогаза Бвалту я видел последствия той бомбардировки. Мы не попали в сам этот кошмар, но попытались вернуться в город, чтобы принять участие в спасательных работах. Но мало чем могли помочь. Жар, излучаемый пылающим центром города, был так силен, что мы не могли подойти ближе первых пригородов. Но даже там улицы были почти непроходимы, завалены павшими зданиями. Повсеместно среди каменных обломков виднелись человеческие тела, изувеченные и обугленные. Большая часть населения была завалена руинами. На открытых пространствах лежало много тел людей, отравленных газом. Спасательные команды беспомощно бродили по руинам. Небо было затянуто дымом, через который лишь изредка проглядывало Другое Солнце и дневные звезды.

Побродив какое-то время по руинам, тщетно пытаюсь найти, кому помочь, Бвалту сел на камни. Видимо, это бедствие «развязало ему язык», если можно так выразиться, чтобы описать неожиданную откровенность в его мыслях, направленных ко мне. Я сказал что-то насчет того, что будущий век будет с изумлением смотреть на это безумие и разрушения. Он вздохнул в противогазе и ответил: «Моя несчастная раса, похоже, обрекла себя на гибель, на этот раз необратимо». Я возразил: хотя наш город и был уже сороковым из уничтоженных, наверняка наступит день, когда люди одумаются, и раса наконец преодолеет этот кризис и пойдет дальше, будет становиться все сильнее и сильнее. Тогда Бвалту рассказал мне странные вещи, которые, по его словам, он давно хотел мне рассказать, но почему-то никак не решался. Хотя многие ученые и студенты современного мирового сообщества уже и начинали смутно догадываться об истине, точно знал ее только он и еще немногие другие.

Наш вид, сказал он, по-видимому был подвержен странным и существующим с древних времен флуктуациям природы, которые длились уже около двадцати тысяч лет. Все расы во всех климатических зонах, казалось, проявляли этот величественный ритм духа и одновременно страдали от него. Причина его была неизвестна. Было похоже, что мощному воздействию подвергается вся планета сразу, и возможно, оно на самом деле исходит из одной начальной точки и быстро распространяется по всем землям. Совсем недавно один продвинутый ученый предположил, что это могло быть вызвано переменами в интенсивности «космического излучения». Геология подтвердила, что такие колебания космического излучения действительно случались, и, возможно, были вызваны

изменениями в соседнем скоплении молодых звезд. В том, что психологический ритм совпадал с астрономическим, все еще имелись сомнения, но многие факты указывали на то, что когда излучение было наиболее интенсивным, человеческий дух приходил в упадок.

Бвалту не был убежден этими рассуждениями. Он скорее склонялся к мнению, что периодические подъемы и падения человеческого разума происходили по местным причинам. Каково бы ни было верное объяснение, в прошлом, несомненно, уже неоднократно достигался высокий уровень цивилизации, но некое мощное влияние снова и снова глушило умственные способности человеческой расы. В нижних точках этих огромных волн «другие» опускались до состояния умственной и духовной нищеты, какой наша раса не знала со времен доисторических людей. Но на гребне волны людской интеллект, моральная целостность и духовные воззрения, казалось, поднимались до высоты, которую мы сочли бы сверхчеловеческой.

Снова и снова раса поднималась из дикости, переходила от варварской культуры в фазу всемирного процветания и взаимопонимания. Целые народы одновременно подхватывали возрастающую склонность к благородству, самопознанию, внутренней дисциплине, к тому, чтобы активно и всепроникающе мыслить и искренне верить.

Как следствие, в течение нескольких веков весь мир цвел свободными и счастливыми обществами. Заурядные человеческие существа обладали беспрецедентной ясностью мысли и общими усилиями избавлялись от социальной несправедливости и личной жестокости. Последующие поколения, наследственно одаренные способностями и благоприятной средой, создавали всемирную утопию пробужденных мыслящих существ.

Потом происходило ослабление какой-нибудь связки. Золотой век сменялся серебряным. Живя за счет достижений прошлого, лидеры мысли терялись в джунглях тонкостей или прозябали, истощенные, в жалкой неопрятности. Одновременно с этим падала нравственность. Люди становились менее искренними, менее чувствительными к нуждам других, прекращались внутренние искания – в общем, они теряли способность жить в обществе. Социальная машина, работавшая нормально, пока граждане сохраняли определенный уровень гуманности, опрокидывалась волной беззакония и коррупции. Свобода уничтожалась тиранами и тираническими олигархиями. Охваченные ненавистью низшие классы служили оправданием этому. Так,

постепенно, хотя материальные блага цивилизации могли бы тлеть еще века, духовное пламя угасало, оставляя лишь искорку в нескольких разрозненных личностях. Потом наступало варварство, за которым следовал провал почти первобытной дикости.

В целом, казалось, было одно более высокое достижение на одном из последних гребней, чем на гребнях «геологического» прошлого. По крайней мере, в этом убеждали себя некоторые антропологи. Считалось, что нынешний пик цивилизации – наивысший из всех, что подъем еще будет продолжаться и что благодаря новым уникальным научным знаниям удастся найти способ сохранить здравый рассудок расы от очередного упадка.

Нынешнее состояние вида было, действительно, исключительным. Ни в один из прежних известных циклов наука и механизация не достигали таких вершин. Насколько можно было понять из разрозненных остатков предыдущего цикла, изобретательская мысль не заходила дальше грубых механизмов, известных у нас в середине девятнадцатого века. Считалось, что в более ранних циклах стагнация наступала на еще более ранних стадиях индустриализации.

В это время, хотя в интеллектуальных кругах не сомневались, что пик цивилизации еще не наступил, Бвалту и его друзья были убеждены, что пик этой волны уже прошел много веков назад. Большинству людей, конечно, десятилетие, предшествовавшее войне, казалось лучше и более цивилизованным, чем любой предыдущий век. В их понимании цивилизация и механизация – почти одно и то же, а никогда ранее не было такого триумфа механизации. Выгоды научной цивилизации были очевидны. Для преуспевающего класса она обеспечивала больший комфорт, лучшее здоровье, большую значимость, продление молодости и систему технических знаний, настолько обширную и сложную, что невозможно было знать больше, чем ее общие очертания или какой-нибудь маленький кусочек во всех подробностях. Более того, развитие средств коммуникаций позволило установить тесные связи между всеми народами. Локальные идиосинкразии меркли перед радио, кино и граммофоном. В сравнении с этими обнадеживающими признаками было легко видно, что человеческая конституция, хотя и усиленная улучшенными условиями, была все менее и менее стабильна, чем раньше. Медленно, но верно распространялись определенные губительные болезни. В частности, все чаще встречались и все более пагубными становились заболевания нервной системы. Циники говорили, что психиатрических больниц скоро станет больше, чем

церквей. Но это была всего лишь насмешка циников. Бытовало почти всеобщее убеждение, что, несмотря на все войны, экономические проблемы и социальные противоречия, все хорошо и в будущем станет еще лучше.

Истина же, говорил Бвалту, почти точно в другой стороне. Как я и думал, было безошибочно видно, что средний уровень интеллекта и нравственность пошли на убыль по всему миру, и они будут продолжать падать. Раса уже жила лишь за счет прошлого. Все великие, приводящие к развитию идеи современного мира были высказаны века назад. С тех пор действительно совершились приложения этих идей, менявшие мир; но ни одно из этих сенсационных изобретений не зависело от крайне проницательной и понимающей интуиции, которая изменила весь образ мышления в ранние века. Бвалту признал, что в последнее время действительно были революционные научные открытия и теории, но ни одна из них не содержала по-настоящему новых принципов. Все они были просто новыми комбинациями уже известных. Научный метод, изобретенный несколько веков назад, был столь плодотворным, что мог легко продолжать приносить урожай еще много веков даже в руках рабочих, неспособных к какой-либо высокой степени оригинальности.

Однако измельчание ментального калибра было наиболее заметно не в научной сфере, а в умственной и практической деятельности. Я сам, с помощью Бвалту, научился ценить до некоторой степени литературу того удивительного периода, бывшего много веков раньше, когда каждая страна, казалось, цвела искусством, философией и религией; когда люди, народ за народом, меняли свои социальные и политические порядки, чтобы обеспечить определенную степень свободы и процветания всем; когда страна за страной смело разоружалась, рискуя быть уничтоженной, но пожиная мир и процветание; когда распускались полицейские силы, а тюрьмы переделывались в библиотеки или колледжи; когда оружие и даже замки и ключи становились лишь музейными экспонатами; четыре великие всемирные религиозные организации открыли свои тайны, раздали свое богатство обездоленным и провели триумфальную кампанию за объединение, а затем обратились к земледелию, ремеслу, обучению, как и следовало скромным приверженцам новой, лишенной священников, веры, Бога, религии всемирного объединения и бессловных молитв.

А примерно через пять сотен лет замки с ключами, оружие и доктрины начали возвращаться. Золотой век оставил после себя только чудесную и непостижимую теперь традицию и набор принципов, которые, хотя и неправильно теперь понимаются, все же были лучшими руководствами в

обезумевшем мире.

Те ученые, которые связывали умственную деградацию с усилением интенсивности космического излучения, утверждали, что если бы люди открыли науку на много веков раньше, когда им еще предстоял период величайшей жизненной силы, все было бы хорошо. Она бы быстро справилась с социальными проблемами, сопутствующими индустриальной цивилизации. Она бы создала не только «средневековую», но и высокомеханизированную утопию. Она бы наверняка нашла способ справляться с избытком космического излучения и предотвратила бы деградацию. Но наука пришла слишком поздно.

С другой стороны, Бвалту подозревал, что деградация была вызвана каким-то фактором в самой человеческой природе. Он склонялся к тому, что это было следствием цивилизации, что, меняя всю окружающую среду человеческого вида, казалось бы, к лучшему, научное развитие невольно создало условия, вредные человеческому духу. Он не воображал, что знает, была ли эта беда вызвана увеличением содержания в питании искусственной пищи, или усилением нервного напряжения в современных условиях, или вмешательством в естественный отбор, или более мягким воспитанием детей, или чем-то другим. Возможно, ни одно из этих относительно недавно возникших обстоятельств не было причиной, потому что все указывало на то, что деградация началась еще на заре научного века, если не раньше. Быть может, гниение началось из-за какого-то загадочного фактора в условиях самого золотого века. Может даже быть, предполагал Бвалту, что чистое общество вырабатывало свою собственную отраву, что молодое человеческое существо, выращенное в совершенном обществе, в настоящем «Граде Божиим» на земле, неизбежно должно было склониться в сторону морального и интеллектуального бездействия, в сторону романтического индивидуализма и буйных веселых развлечений; и что, как только это убеждение укоренилось, наука и механизированная цивилизация подтолкнули духовное разложение.

* * *

Незадолго до того, как я покинул Другую Землю, один геолог нашел древнюю схему очень сложного радиопередатчика. Она была похожа на литографическую плитку, изготовленную около десяти миллионов лет назад. Других следов от высокоразвитого общества, изготовившего ее, не осталось. Эта находка была шоком для интеллигентного мира; однако для утешения было распространено

известие, что когда-то существовал какой-то нечеловеческий и менее выносливый вид, развивший непродолжительную цивилизацию. Считалось, что человек, однажды достигнув такой культурной вершины, не мог с нее упасть.

По мнению Бвалту, человек время от времени взбирался примерно на такую же высоту лишь для того, чтобы быть отброшенным назад каким-то скрытым следствием его собственных достижений.

Когда Бвалту излагал эту теорию среди руин его родного города, я предположил, что когда-нибудь, если не в этот раз, человек успешно пройдет эту критическую точку в своем развитии. Тогда Бвалту заговорил о другом, что, похоже, указывало на то, что мы были свидетелями финального акта этой длительной и повторяющейся драмы.

Ученым было известно, что из-за слабой гравитации их мира, атмосфера, и без того скудная, устойчиво слабела дальше. Рано или поздно человечеству придется встать перед лицом проблемы остановки этой непрерывной утечки драгоценного кислорода. До сих пор жизнь успешно адаптировалась к растущему разрежению атмосферы, однако человеческая физиология уже достигла пределов адаптивности в этом отношении. Если утечка не будет остановлена в ближайшем будущем, то раса неизбежно погибнет. Единственная надежда была на то, что какое-нибудь решение этой атмосферной проблемы будет найдено до начала очередного варварского периода. Была лишь слабая надежда, что это случится, и война ее уничтожила, переведя часы научных исследований на столетия назад, как раз когда человеческая природа начинала деградировать и не могла больше справиться с такой сложной проблемой.

Мысль о несчастье, которое словно бы неотвратимо поджидало «других», повергла меня в ужас и заставила усомниться в целесообразности вселенной, в которой такое было возможно. Идея того, что целый мир разумных существ может быть уничтожен, не была для меня новой; но существует огромная разница между абстрактной возможностью и конкретной и неизбежной угрозой.

На моей родной планете, когда бы я ни был огорчен страданиями и порочностью индивидов, я утешал себя мыслью, что по крайней мере массовый эффект от всех наших слепых усилий должен привести к медленному, но триумфальному пробуждению человеческого духа. Эта надежда, эта уверенность была единственным утешением. Но теперь я понял, что нет никакой гарантии такого триумфа. Казалось, вселенная или ее создатель безразличны к судьбам миров.

Конечно, бесконечная борьба, страдания и потери должны быть приняты, причем с радостью, потому что именно они – почва, взрастившая человеческий дух. Но то, что вся борьба окажется в итоге абсолютно напрасной, что целый мир сознательных существ погибнет – это чистое зло. В охватившем меня ужасе мне показалось, что Создателем звезд была Ненависть.

Но Бвалту так не думал. «Даже если высшие силы уничтожат нас, – сказал он, – кто мы такие, чтобы винить их? На таких же основаниях слово может судить того, кто его изрек. Быть может, они используют нас в своих высоких целях, используют нашу силу и нашу слабость, нашу радость и нашу боль для чего-то непонятного нам – и более совершенного». На что я возразил: «Какие цели могут оправдать такое поражение, такую тщетность? И как можем мы не судить; и как иначе можем судить, если не светом наших сердец, которым судим сами себя? Было бы низко воспевать Создателя звезд, зная, что он слишком занят, чтобы заботиться о судьбах своих миров». Бвалту на мгновение «замолчал». Потом он поднял голову, разыскивая среди клубов дыма дневную звезду. А потом мысленно обратился ко мне: «Если бы он спас все миры, но замучил бы всего одного человека, ты бы ему простил? Или если бы он был слегка груб всего лишь с одним глупым ребенком? Какое отношение к этому имеет наша боль, наше поражение? Создатель звезд! Хорошее слово, хотя мы и понятия не имеем, что оно означает. О, Создатель, даже если ты уничтожишь меня, мне следует воспевать тебя. Даже если ты причинишь боль моим близким. Даже если ты обрушишься на все твои прекрасные миры и уничтожишь их. Ибо если ты так сделаешь, это должно быть правильно. Во мне это может быть неправильно, но в тебе это должно быть правильно».

Он снова опустил взгляд на разрушенный город и продолжил: «А если Создатель звезд вовсе не существует, если великое содружество галактик возникло само собой, и даже если этот наш маленький грязный мирок – единственное обиталище разумного духа среди звезд, и если этот мир обречен, даже так, даже если так, – мне следует воспевать. Я только назову это острым привкусом и солью бытия. Но назвать это так – значит почти ничего не сказать».

IV. Снова в путь

Должно быть, я пробыл на Другой Земле несколько лет – гораздо дольше, чем рассчитывал, когда впервые встретил в поле одного из крестьян. Я часто скучал по дому. Думал о том, как мои дорогие поживают без меня и какие перемены ждут меня там, если мне вообще суждено вернуться. Я был удивлен тому, что несмотря на мои новые и многочисленные приключения на Другой Земле, мысли о доме не отступали. Казалось, всего мгновение назад я сидел на холме и смотрел на огни родного пригорода. Однако прошло уже несколько лет. Дети уже, наверное, изменились до неузнаваемости. А их мать? Как она?

Частично в длительности моего пребывания на Другой Земле был виноват Бвалту. Он и слышать не желал о моем отбытии, пока мы не получим полное представление о мирах друг друга. Я регулярно создавал для него видения, чтобы он мог как можно ярче представить себе жизнь моей родной планеты, обнаружил в ней смесь великолепия и иронии, очень похожую на ту, что я нашел в его мире. Вообще, он оказался далеко не согласен со мной, что его мир в целом более гротесковый, чем мой.

Желание обменяться информацией было не единственным соображением, по которому я оставался с Бвалту. Я очень привязался к нему. В первые дни нашего партнерства между нами часто возникали разногласия. Хотя мы оба были цивилизованными человеческими существами, которые всегда старались вести себя вежливо и благородно, наша крайняя близость все же иногда нас утомляла. Меня, например, очень раздражала его страсть к гастрономическому искусству его мира. Он мог часами перебирать своими чувствительными пальцами пропитанные разными вкусами струны, чтобы найти вкусовые последовательности, исполненные для него такой значительной изящностью форм и символизма. Сначала я был заинтригован, а потом эстетически возбужден. Но несмотря на его терпеливую помощь, я так и не смог полностью войти в эстетику вкуса. Раньше или позже мне становилось скучно. А еще мне сильно досаждала его периодическая потребность во сне. Поскольку я сам был лишен тела, мне это не требовалось. Конечно, я мог покинуть Бвалту и отправиться путешествовать по миру в одиночку; но меня просто раздражала необходимость прерывать интересные переживания дня только ради того, чтобы позволить его телу восстановить силы. Бвалту, в свою очередь, по крайней мере в ранние дни нашего партнерства, был склонен возмущаться по поводу моей возможности смотреть его сны. Потому что, хотя он и мог скрывать от меня свои мысли, во сне он был беспомощен. Естественно, я вскоре научился воздерживаться от этого; а он, в свою очередь, по мере того как наша близость развилась во взаимоуважение, уже не так строго лелеял свои тайны.

Со временем каждый из нас ощутил, что вкушать жизнь отдельно друг от друга значило терять половину ее богатства и утонченности. Ни один из нас не мог всецело положиться на собственное суждение или собственные мотивы, если не было рядом другого, чтобы предложить беспристрастную, но дружественную критику.

Мы придумали план, который удовлетворял одновременно и нашу дружбу, и его интерес в моем мире, и мою собственную тоску по дому. Почему бы нам не попробовать посетить мою планету вместе? Ведь я улетел оттуда, почему бы нам не отправиться вместе туда? Погостив на моей планете, мы могли бы отправиться путешествовать дальше.

Для этого нам следовало решить две задачи. Нужно было тщательно изучить технику межзвездного перемещения, открытую мною случайно и освоенную довольно сумбурно. А также каким-то образом выяснить местоположение моей родной планетной системы на астрономических картах «других».

Эта географическая, а точнее, космографическая проблема оказалась неразрешимой. Как ни старался, я не мог предоставить достаточно информации, которая могла бы служить ориентиром. Однако эта попытка привела нас к потрясающему, а для меня – ужасному открытию. Оказывается, я переместился не только в пространстве, но даже и во времени. Во-первых, выяснилось, что в самой продвинутой астрономии «других» такие зрелые звезды, как Другое Солнце и мое собственное Солнце были редки. Тогда как в земной астрономии подобные звезды считались самыми распространенными в Галактике. Как такое могло быть? Тогда я совершил еще одно потрясающее открытие. Галактика, известная астрономам «других», резко отличалась от известной нашим, земным, астрономам. Согласно представлению «других», гигантская система звезд была гораздо более сплюснута, чем считаем мы. Наши астрономы говорят, что она похожа на круглый бисквит, диаметр которого в пять раз больше его толщины. По их мнению, она больше похожа на плюшку. Я и сам часто поражался толщине и размытости Млечного Пути в небе Другой Земли. Я также был удивлен, что их астрономы считали, что Галактика содержит много газа, еще не сконденсировавшегося в звезды. Наши астрономы считали, что большая часть вещества сконцентрирована в звездах.

Быть может, я незаметно улетел гораздо дальше, чем предполагал, и оказался в какой-нибудь другой, более молодой галактике? Возможно, когда я был в

темноте, когда все небесные рубины, аметисты и алмазы исчезли, я пронесся между галактиками. На первый взгляд это казалось единственно возможным объяснением, но определенные факты заставили нас отказаться от него в пользу еще более невероятного.

Сравнение астрономии «других» с моими обрывочными воспоминаниями нашей астрономии убедило меня, что вся совокупность галактик, известная им, отличалась от совокупности галактик, известной нам. Большинство наблюдаемых ими галактик были гораздо более «пухлыми» и газообразными, фактически более примитивными, чем наши.

Более того, в небе Другой Земли несколько галактик располагались так близко, что были видны невооруженным глазом как расплывчатые светлые пятна. А их астрономы доказали, что многие из этих так называемых «вселенных» были гораздо ближе к их собственной «вселенной», чем самая близкая из известных нашей астрономии.

Истина, обрушившаяся на нас с Бвалту, была поистине ошеломляющей. Все указывало на то, что я неким образом проплыл вверх по реке времени и высадился в далеком прошлом, когда большинство звезд были еще молодыми. А пугающая близость известных «другим» галактик в таком случае объяснялась теорией «расширяющейся вселенной». Я отлично знал, что эта драматическая теория была еще совсем молода и нечетко сформулирована; но вот передо мной еще один поразительный факт в пользу того, что она, по крайней мере в некотором смысле, верна. Естественно, в ранние эпохи галактики находились плотнее друг к другу. Не оставалось сомнений в том, что я очутился в мире, достигшем уровня развития человечества задолго до того, как моя родная планета родилась из чрева солнца.

Окончательно осознав свою временную оторванность от дома, я вспомнил один факт, или по крайней мере допустимость, о которой, как ни странно, давно уже забыл. Вполне возможно, что я умер. Я снова затосковал по дому. Дом все равно был столь ощутимым, столь близким. Несмотря на то, что расстояние до него исчислялось парсеками и тысячелетиями, до него всегда было рукой подать. Несомненно, если бы я только мог очнуться, то снова оказался бы там, на нашем холме. Но я не мог. Глазами Бвалту я изучал звездные карты и страницы чужеземных текстов. Когда он поднял глаза, я увидел напротив карикатуру на человеческое существо, с лягушачьим лицом, которое трудно было вообще назвать лицом, с грудной клеткой как у надутого голубя, голой, если не считать

зеленоватой шерсти. Красные шелковые бриджи прикрывали сверху веретенообразные ходули, затянутые в зеленые шелковые чулки. Это существо, настоящее чудовище для человеческого глаза, на Другой Земле представляло собой молодую и красивую женщину. Я и сам, глядя на нее милосердными глазами Бвалту, признавал ее красоту. Для ума, привычного к Другой Земле, ее черты, каждое движение выдавало ее ум и интеллигентность. Очевидно, раз я мог восхищаться такой женщиной, то сам изменился.

Было бы утомительно описывать все наши эксперименты, посредством которых мы совершенствовали наше искусство межзвездных полетов. Достаточно будет сказать, что после многих приключений мы научились взлетать с планеты когда бы нам ни вздумалось и направлять свой курс куда угодно среди звезд одним усилием мысли. Вместе, казалось, мы обладали гораздо большей мощностью и точностью, чем когда пытались отправиться в космос поодиночке. Наше единение умов, похоже, давало нам достаточно сил даже для пространственного перемещения.

Было очень странно обнаружить себя в глубоком космосе, в окружении темноты и звезд, и при этом находиться в близком личном контакте с невидимым спутником. Ослепительные небесные светила проносились мимо нас, а мы делились друг с другом нашими ощущениями, или обсуждали планы, или делились воспоминаниями о наших родных мирах. Порой мы общались на моем языке, порой – на его. Иногда нам вовсе не требовались слова: мы общались образами.

Упражнения бестелесного полета среди звезд, пожалуй, самое захватывающее из всех атлетических занятий. Он не лишен опасности; но его опасность, как мы вскоре выяснили, была психологической, а не физической. В бестелесном состоянии столкновение с материальными объектами ничем не грозило. На ранних стадиях наших упражнений мы частенько врывались прямо в звезды. Внутри них, конечно же, неопишимо жарко, но мы ощущали только яркий свет.

Однако психологическая опасность была велика. Мы вскоре выяснили, что упадок духа, умственная усталость, страх – все это резко снижало нашу способность перемещаться. Мы неоднократно застревали в космосе неподвижно, подобно брошенному кораблю в океане; и столь велик был страх, вызванный таким бедствием, что мы не могли сдвинуться с места, пока не удавалось преодолеть безразличие и принять философское спокойствие.

Еще большей опасностью, с которой мы, однако, столкнулись лишь однажды, был умственный конфликт. Серьезные разногласия относительно цели наших планов на будущее накрыло нас не только неподвижностью, но и ужасающим моральным замешательством. Наше восприятие нарушилось, появились галлюцинации. Мы полностью лишились способности когерентно мыслить. Пробыв какое-то время в бреде, полном страха перед неминуемой гибелью, мы очнулись на Другой Земле; Бвалту – в своем собственном теле, в постели, где он его и оставил; я – снова в бестелесном состоянии где-то над поверхностью планеты. Оба были преисполнены безумным ужасом, от которого не скоро оправились. Лишь спустя несколько месяцев мы возобновили наши совместные приключения.

Много позже мы узнали объяснение этого болезненного инцидента. По всей видимости, мы достигли такого глубокого умственного слияния, что когда возник конфликт, он походил больше на расслоение единого ума, чем на разногласие между двумя отдельными личностями. Отсюда и такие серьезные последствия.

Освоив технику и приобретя навык бестелесных полетов, мы получали величайшее удовольствие, скользя во всех направлениях среди звезд. Это походило одновременно и на катание на коньках, и на полет. Например, просто ради забавы, мы выписывали гигантские восьмерки вокруг партнеров двойной звезды. Иногда подолгу оставались неподвижными, наблюдая за тем, как прибывает и убывает какая-нибудь переменная. Мы часто ныряли в плотное скопление и скользили среди его солнц, подобно автомобилю среди городских огней. Нередко мы парили над волнистыми и бледно светящимися поверхностями газовых облаков, или среди перистых или кучевых образований, или окунались в туман, чтобы оказаться в мире бесформенного, похожего на раннее утро, света. Иногда, внезапно, нас окутывали черные континенты пыли, изолируя от нас вселенную. Однажды, пересекая густой район неба, мы стали свидетелями того, как взрывается сверхновая. Очевидно, она была окружена газом, который сам по себе не светился, и мы видели быстро увеличивающуюся сферу света, излучаемого взрывом звезды. Разрастаясь с огромной скоростью, она светилась невероятно ярко благодаря разлетающемуся газу, и была похожа на раздувающийся шар света, слабеющего по мере расползания.

Порхая, как ласточка, в окрестностях Другого Солнца, мы встречали совсем немного впечатляющих зрелищ. Это было в период нашего изучения техники межзвездных перелетов. Когда мы освоили это в совершенстве, то стали

отправляться дальше и научились путешествовать так быстро, что, как в самом начале моих скитаний, звезды спереди и сзади приобретали окраску или полностью исчезали. Более того, мы добились того виртуального зрения, тоже испытанного мною в начале, когда эти причуды физического света были преодолены.

Однажды наш полет привел нас к границам галактики и вынес в пустоту за ее пределы. Некоторое время звезды вокруг становились все реже и реже. Небесная полусфера у нас за спиной была вся испещрена огнями, тогда как впереди простиралась беззвездная тьма, в которой лишь местами виднелись изолированные мерцающие скопления – несколько оторванных фрагментов галактики, так называемые «субгалактики». Кроме них, тьма была бесформенной, за исключением полудюжины смутных пятен, которые, насколько мы знали, были ближайшими чужими галактиками.

Завороженные этим зрелищем, мы долго оставались на месте в пустоте. Было поистине захватывающе видеть как на ладони целую «вселенную», содержащую биллион звезд и, наверное, тысячи населенных миров; и знать, что каждое маленькое пятнышко в небе вокруг было тоже такой же «вселенной», и что еще миллионы таких «вселенных» не видны лишь по причине их невообразимой удаленности.

В чем смысл всей этой физической необъятности и сложности? Сама по себе, очевидно, она не содержала ничего, кроме чистой бесполезности и одиночества. Однако с ужасом и надеждой мы убеждали себя, что она сулит еще большую сложность, изящность и разнообразие физического мира. Только это могло оправдать все. Но это обещание вселяло в нас не только надежду, но и страх.

Подобно птенчику, который впервые выглядывает из гнезда и тут же прячется обратно от огромного мира, мы выбрались из того маленького гнезда звезд, который так долго, но ошибочно, люди называли «вселенной». Но затем мы снова окунулись в привычный мир нашей родной Галактики.

Поскольку наши эксперименты подняли множество вопросов, которые требовали дальнейшего изучения астрономии, мы решили вернуться на Другую Землю; однако после долгих и бесплодных метаний поняли, что окончательно

заблудились. Все звезды были очень похожи друг на друга, за исключением немногих таких же зрелых, как Другое Солнце. Ища наугад, но на большой скорости, мы не нашли ни родной планеты Бвалту, ни моей, ни какой-то другой солнечной системы. Тогда мы снова остановились посреди бездны, чтобы обдумать это бедствие. Со всех сторон из черноты на нас смотрели загадочные звезды. Которая из этих искр – Другое Солнце? Как было свойственно небу той эпохи, во всех направлениях видны облака и туманности, но их очертания незнакомы и потому бесполезны для навигации.

Однако тот факт, что мы заблудились, вовсе не пугал нас. Наоборот, нас увлекло это приключение, и настроение было преотличное. Последние события стимулировали нашу умственную жизнь, еще лучше синхронизируя нас. В каждый момент времени каждый из нас осознавал себя самостоятельной личностью, однако единение, или интеграция воспоминаний и темпераментов, достигло такого уровня, что различие нередко забывалось. Два бестелесных разума, занимающие одну точку наблюдения, имеющие совместную память и желания и нередко совершающие одинаковые умственные действия одновременно, с большим трудом можно назвать двумя различными существами. Однако, как ни странно, это все усиливающееся единение сопровождалось ростом взаимного понимания и дружбы.

Это взаимное проникновение умов не просто увеличило, а преумножило духовное богатство каждого из нас; ведь каждый осознавал не только самого себя и другого, но еще и совокупную гармонию одного по отношению к другому. Действительно, в некотором смысле, который я не могу пока точно объяснить, союз наших умов произвел на свет некий третий разум, пока не очень уверенный, но более утонченный, чем любой из нас по отдельности. Каждый из нас попеременно становился этим «высшим» духом – или, скорее, даже мы оба. Все переживания одного принимали совершенно другое значение в глазах другого, и в результате получался новый, более проницательный и лучше сознающий, разум. И в этом состоянии повышенной ясности мы или, точнее, новый Я попытался дотошно исследовать психологическую возможность существования других типов существ и других разумных миров. С помощью этой новой проницательности я различил в себе и в Бвалту особенности, свойственные духу и обусловленные миром каждого. Эта мысленная затея вскоре оказалась целым методом – и весьма действенным – космологических исследований.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/stepldon_olaf/sozdatel-zvezd

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)